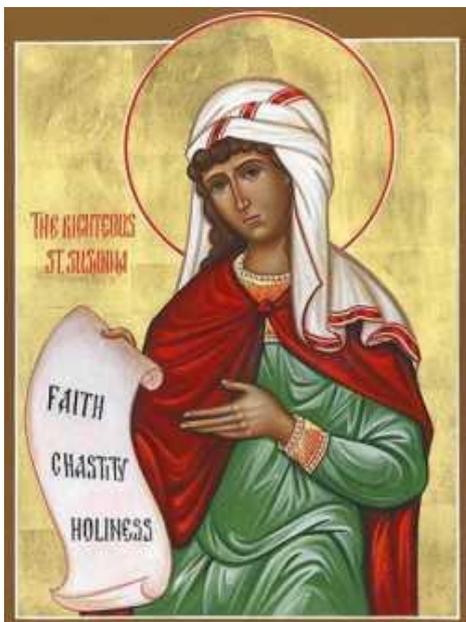

Память 24 августа (ст. стиль 11 августа)

Страдание святой мученицы Сосанны девы и иных с нею мучеников

В царствование Диоклитиана¹ и Максимиана², по прозванию Геркула, в Риме жил пресвитер Гавиний, родной брат папы римского Гаия³; обладая хорошим знанием языческих философов и отлично изучив святое Писание, Гавиний, по совету и настоянию своего брата, написал много книг в опровержение языческих заблуждений. Оба они происходили из знатного рода, так что доводились роднею царю Диоклитиану; последний, впрочем, не желал признавать своего родства с ними; он презирал их за то, что они исповедовали христианскую веру: Диоклитиан ненавидел ее и поэтому отрицался от своих родственников христиан.

Пресвитер Гавиний имел дочь по имени Сосанну; он воспитал ее в истинно христианском духе, с малых лет внушив ей страх Божий, вместе с тем он дал ей и хорошее светское образование. Сосанна отличалась умом и телесною красотою, которую превосходила красота душевная: она всем сердцем любила Господа Иисуса Христа и была Его верной, целомудренной рабой. Услышав об уме и красоте Сосанны, Диоклитиан захотел сделать ее женою сыну своему Максимиану. (Другие называют его Максимином; в действительности он не был сыном Диоклитиана, а был усыновлен им, как происходивший от его ближайших родственников; сначала Диоклитиан выдал за него свою дочь Валерию; после же ее смерти он захотел сочетать Максимиана браком с родственницей своей Сосанной. Этот Максимиан имел другое имя Галерий, и его нужно отличать от вышеупомянутого Максимиана, прозванного Геркулом). Диоклитиан послал к Гавинию знатного мужа, своего двоюродного брата Клавдия, переговорить с ним о том, чтобы он отдал дочь свою Сосанну за его сына Максимиана. Придя с этим поручением к Гавинию, Клавдий сказал:

– Пресветлый царь наш Диоклитиан послал меня к тебе с великой милостью и радостью: он хочет возобновить родство с тобою через устройство брака твоей дочери, и какое благодеяние может быть для тебя большим, чем это новое прославление твоего рода чрез кровный союз с царским домом!

– Мы убоги и смиренны, – сказал Гавиний, – и при своем недостойнстве, как можем называться родственниками царю?

Клавдий отвечал:

– Разве ты и твой брат, епископ Гаий, не сыновья сенатора Максимиана, бывшего родственником дяди нашему, брату господина нашего царя Диоклитиана?

– Это верно, – согласился Гавиний, – однако обстоятельства последнего времени вынуждают сказать, что мы недостойны названия родственников царя.

– Не отрицайся твоего родства, – возразил Клавдий, – вот наш господин и царь повелевает отдать тебе за сына его Максимиана свою дочь, об уме которой идет слух, что она обладает обширными знаниями в науках; и справедливо не разделяться ветвям, происходящим от одного корня; этого желаем и мы, твои родственники; думаю, что это доставит и тебе радость.

Гавиний сказал:

– Прошу дать мне время, чтобы узнать мнение самой дочери о твоём предложении.

На этом они расстались.

По уходе Клавдия Гавиний попросил прийти к нему в дом брата своего папу Гаия, который жил недалеко. Когда пришел Гаий, Гавиний рассказал ему с каким поручением от царя приходил к нему Клавдий. Затем они позвали к себе Сосанну и сказали ей со слезами на глазах:

– Царь Диоклитиан прислал к нам родственника нашего Клавдия, передавая через него свое желание видеть тебя супругою сына своего Максимиана.

Блаженная Сосанна так отвечала на это отцу и дяде:

– Куда исчезла теперь ваша мудрость? Поистине я не замечаю ее в вас; если бы я не была такой христианкой, какой стала, благодаря вашим наставлениям, тогда со мной действительно можно бы было говорить о том, о чем вы сейчас ведете речь; теперь зачем вы оскверняете ваши уши и уста, слушая нечестивые слова и передавая их мне с тою целью, чтобы я вышла замуж за нечестивого мучителя? Ведь вы сами безбоязненно отреклись от всякого родства с ним за его нечестие, с которым не может мириться исповедуемая вами святая христианская вера. Но слава всемогущему Богу, даровавшему мне дух, сродный святым Его: отвергая через веру в Господа нашего Иисуса Христа это скверное супружество с нечестивцем, я сподоблюсь мученического венца!

– Смотри, дочь моя, – сказал на это Гавиний, – будь тверда в вере, которою сейчас обладаешь, чтобы соблюсти себя непостыдной пред Господом, и мы возрадуемся, видя плод твоей веры, приносимый Владыке Христу.

– Господие мои, – отвечала Сосанна отцу своему и дяде, – вы часто поучали меня соблюдать девство ради Господа Иисуса Христа, и теперь в любви к Нему и страхе Его я так утвердилась, что не могу даже помыслить о плотском супруестве; отец мой, я только Того буду любить, для Того жить и на Того надеяться, Кому ты сам навсегда поручил меня; Он, Владыка, знает искренность моего сердца!

– Так как ты вручена небесному жениху Христу Богу, то пребывай всегда в любви Его, соблюдая Его заповеди, – сказал святой папа Гаий.

Так оба святые служители Господни, узнав о добром намерении Сосанны, долго утверждали ее в ее благочестивом желании, исполняясь в то же время великой радости, исторгшей из глаз их невольные слезы умиления.

Спустя три дня, Клавдий в сопровождении множества слуг опять пришел к Гавинию; оставив последних около дома, он сам вошел внутрь, где нашел и папу Гаия. После обычных приветствий Клавдий сказал:

– Для вас, честные отцы, не безызвестна та радостная причина, которая привела меня к вам.

– Хотя бы, – отвечал епископ Гаий, – и не было такой причины, мы и так рады тебе, будучи родственниками друг другу; мы рады утешиться этим родственным свиданием и беседой друг с другом.

– Вы знаете, любезнейшие братья, – продолжал Клавдий, – что господин наш, царь Диоклитиан, выражает сильное желание вступить с вами в более тесное родство, и я советую и прошу вас исполните волю владеющего вселенной и тем утешите его.

– Предай об этом желании царя моему господину и брату, епископу Гаию, – отвечал Гавиний.

– Наш доброжелательный царь, – обратился Клавдий к Гаию, – хочет взять в супруги своему сыну вашу дочь, а мою внучку; ему известно об ее красоте, разуме и талантах; мы, родственники, полагаем, что ничего не может быть почетнее того, чтобы род наш не только не отлучался от царской крови, но еще теснее соединился с нею: через это он еще более возвысится и прославится.

Так как епископ молчал, то на речь Клавдия отвечал Гавиний:

– Позовем девицу и спросим саму ее.

Тогда была позвана к ним святая Сосанна. В комнате не было никого из посторонних; сидели только они трое. Увидав Сосанну, Клавдий прослезился от любви и радости и хотел,

обнявши, приветствовать ее поцелуем. Она же воспротивилась этому и сказала, отвернувшись от него:

– Моему Господу Иисусу Христу известно, что уст рабыни Его никогда не касались мужские уста: не оскверняй их.

– Я хотел поцеловать тебя, как родственник: ведь ты мне внучка, – отвечал Клавдий.

Святая Сосанна сказала на это:

– Меня побуждает гнушаться твоего поцелуя не какая-либо другая причина, а то обстоятельство, что твои уста осквернены идольскими жертвами.

От этих слов святой Сосанны Клавдий, точно почувствовав прикосновение к своему сердцу перста Божия, умилился и сказал:

– Что я должен сделать, чтобы очистить от скверны мои уста?

– Покайся и крестись во имя Отца и Сына и Святого Духа, – отвечала святая Сосанна.

Тогда Клавдий обратился к епископу со словами:

– Очистите меня, ибо человек чистый через веру во Христа лучше служащего богам: я принес им множество жертв, но не получил от них ничего, хотя и цари преклоняются пред ними.

Увидав чудесное, быстрое изменение, произведенное в Клавдии действием благодати Божие чрез слова непорочной девы, епископ Гаий сказал с радостью:

– Послушай меня, брат мой! Я намерен дать тебе добрый совет: ты пришел к нам, чтобы найти невесту сыну твоего господина, а Бог ищет тебя и хочет по молитвам этой девы спасти тебя, чтобы и из нашего рода нашлись достойные царствия Божия. Итак, веруй в Бога, кайся в пролитии крови святых мучеников и не медли принятием святого крещения.

– Если я, – спросил Клавдий, – приму святое крещение, то очистятся ли все греховные скверны моего сердца?

– Без сомнения; только веруй от всего сердца, – отвечал святой папа.

Слыша это, святая Сосанна припала к ногам своего дяди, святого Гаия со словами:

– Умоляю тебя, господин мой, не отлагай ради Христа крещения Клавдия, спаси его душу.

– Сначала убедимся, истинно ли он верует во Христа Бога, – сказал святой епископ.

– Я искренно верую, – воскликнул Клавдий, – только бы были прощены грехи мои, как обещаете вы мне.

– Во имя всемогущего господина Иисуса Христа прощаются тебе все грехи твои, – отвечал Гаий.

Клавдий пал на землю пред ногами святителя и взывал, посыпая прахом свою голову:

– Господи Боже, свет превечный, прости грехи мои, содеянные в неведении и неверии, исполни меня Твое благодати, чтобы жена и дети мои познали, что ты один спасаешь уповающих на Тебя!

Тогда святой Гаий, огласив и наставив Клавдия, отпустил его домой. Потом Клавдий пришел ночью ко святому Гаию вместе с женой и двумя сыновьями, прося у него святого крещения. Не отлагая более, епископ крестил их; пресвитер Гавиний был их восприемником. Когда Клавдий вышел из святой купели, то сказал:

– Я видел свет, превосходивший солнечный и осиявший меня во время крещения.

По святом крещении и миропомазании, епископ совершил святую литургию и приобщил крещенных Божественных Таин Тела и Крови Христовой, и все радовались о Боге Спасе своем. Супруге Клавдия имя было Препедигна, а сыновей звали одного Александром, а другого Куфием. После крещения Клавдий начал продавать имение свое и раздавать его нищим; для этого он разыскивал скрывавшихся по различным потаенным местам христиан, ходил также тайно по ночам в темницы; всем, кого находил, Клавдий умывал ноги, целовал их и восполнял нужду их щедрыми дарами, снабжая их на каждый день одеждою и пищею, при этом он непрестанно каялся во грехах, содеянных в предыдущую жизнь.

Спустя некоторое время, Диоклитиан начал спрашивать о Клавдии, почему он не принес никакого известия, хотя был нарочно послан к Гавинию, чтобы узнать о согласии Сосанны на брак с его сыном; царь доложили, что Клавдий болен. Тогда он послал к нему, чтобы посетить больного и расспросить о Сосанне его младшего брата Максима, занимавшего почетную должность при дворе. Максим нашел брата своего одетым во власяницу и возносящим молитвы к Богу. Он пришел в ужал и сказал:

– Брат мой возлюбленный, воспитавший меня с самого детства, что заставило тебя так измениться, – ты стал так бледен и худ?!

– Если хочешь выслушать меня, я расскажу тебе о причинах моей перемены, – отвечал Клавдий.

– Скажи мне, господин мой, о твоей болезни! – воскликнул Максим.

– Я каюсь, – начал рассказывать Клавдий, – что повинуюсь царям и исполняя их приказания, убивал христиан, проливая, таким образом, неповинную кровь; хотя я и делал это по неведению, следуя приказаниям царя, однако теперь сильно скорблю и раскаиваюсь в этом.

– Что это ты говоришь брат мой? – возразил Максим. – Владыка наш, царь Диоклитиан посылал тебя к брату нашему Гавинию, чтобы ты сосватал дочь его сыну; чтобы узнать об этом, я и послан к тебе, а ты говоришь что-то совершенно другое.

– Я за этим и ходил, – сказал Клавдий, – к возлюбленной внучке нашей и видел ее: она прекрасна как телом, так и душою; она свята и премудра и уже невеста небесного царя Христа; благодаря ей, и я избавился от грехов моих. Но чтобы и тебе было известно о милосердии Божиим, которое хочет всех спасти, ночью пойдем к брату нашему пресвитеру Гавинию, и ты увидишь свет вечный.

– Всё, что ты велишь, я сделаю, – отвечал Максим.

В ту же ночь они пошли к воротам города, известных под именем Саларийским и находившихся у Салюстиевых палат. Когда Гавинию сказали, что его братья, Клавдий и Максим, стоят около дома и желают войти к нему, то он тотчас поспешил им навстречу и с радостью ввел их к себе. Прежде чем начать с ними беседу Гавиний встал на молитву: он преклонил колена и склонил голову; Клавдий и Максим последовали его примеру.

– Господи Боже, – говорил, молясь, Гавиний, – собирающий рассеянных и призывающий на собранных, призри на дела рук Твоих, просвети всех верующих в Тебя: Ты свет истинный во веки веков.

Все отвечали:

– Аминь!

Восставши, они обнимали и целовали друг друга, а Клавдий припал к ногам пресвитера, лобызая их. Видя это, Максим удивлялся и просил разрешения повидаться с Сосанной. Гавиний велел ее позвать. Войдя к ним, она сначала поклонилась Богу, а потом, подойдя к отцу, сказала:

– Благослови меня, отче.

Пресвитер же снова помолился ради пришествия Сосанны:

– Да подастся нам мир от Господа нашего Иисуса Христа, Который живет и царствует со всемогущим Богом Отцом во веки веков, – сказал он.

– Аминь! – воскликнули все.

Увидав святую Сосанну, исполненную смирения и целомудрия, Максим хотел поцеловать ей руку; она же не дозволила этого. И в то время как все они долго не могли удержать слез, вызванных родственною любовью, святому Гаю, жившему недалеко от устроенной им церкви, сказали, что братья его собрались вместе. Он подумал, что их берут на мучения и, желая первым из них испытать участь мученика, поспешил в дом Гавиния. Все увидав его, от неожиданности пришли в страх и поклонились ему до земли.

– Мир вам! – сказал им святой Гаий, – мужайтесь во имя Господа, помолимся!

И начал молиться, говоря:

– Господи Боже, Отец Господа нашего Иисуса Христа, пославший Его на спасение всех, желая изъять нас из тьмы мира сего и ввести в жизнь вечную, утверди нас, рабов Твоих, в вере Твоей, ибо Ты царствуешь во веки веков.

– Аминь, – сказали присутствовавшие.

Севши, епископ начал боговдохновенную беседу; все со вниманием слушали говоримые им слова Божии; святая же Сосанна слушала стоя, не желая сидеть при них; в то же время она тайно молилась. По окончании беседы епископ сказал Максиму:

– Благодарим тебя, брат, что ты посетил нас.

– Я недостойный пришел к вам, чтобы целовать ваши святые ноги, а что первоначально побудило меня идти к вам, о том сами хорошо знаете, – отвечал Максим.

– Лучше скажи ты сам, – предложил ему святой Гай.

– Царь Диоклитиан, – сказал Максим, – просит отдать Сосанну за сына его Максимиана.

– Дева имеет уже Христа, небесного Жениха, данного ей Богом Отцом, и пусть будет тебе хорошо известно, что она уже не может выходить замуж, – ответил на это предложение епископ.

– Всё, что дает Бог, вечно, – сказал Максим.

– Приими и ты жизнь вечную, – предложил ему папа.

– Что есть жизнь вечная? – спросил он.

– Та есть жизнь вечная, которую познал я, – вступил в беседу Клавдий.

– Кого ты познал, Того и я познать желаю, – обратился к нему Максим, – но все-таки нам не следует удаляться от родства с царем.

– Мы убеждаем тебя, – возразил святой Гай, – веровать в Господа нашего Иисуса Христа, вечного Сына Божия, а видимая слава и честь земного царя временны, и родство с ним не приносит ничего; всё это вместе с кратковременною жизнью минует и погибнет. Что же обещает нам небесный

Царь, Христос Бог наш, то вечно и необходимо, и достойно того, чтобы к тому стремиться.

Выслушав это, Максим умилился и с радостью дал согласие принять святую веру.

– Тебе известно, брат, – сказал епископ, – что мы оставили всё свое имение и теперь ничего не ищем кроме Господа нашего Иисуса Христа, Которым мы живем и Которым хвалимся.

– Не медлите, господие мои, – воскликнул Максим, – о поторопитесь сделать всё, что считаете необходимым для моего спасения.

Заповедав ему пост, епископ отпустил его домой. Удалившись, Максим сначала скрывал свою веру во Христа, хотя и горел любовью к Гавинию, Гаию и особенно к Самому Господу Иисусу; потом, при усилении в нем любви к Богу, он начал явно исповедовать имя Христово, презирая смерть. Но епископ и пресвитер советовали ему скрывать свою веру в продолжении пяти дней, пока не распродаст своего имения и не раздаст нищим. Максим повиновался им. Спустя пять дней он пришел к святому Гаю и, припав к его ногам, сказал:

– Заклинаю тебя, господин мой, именем Христовым, просвети меня святым крещением, как просветил ты брата моего Клавдия; с того самого времени, как ты наставил меня в учении Господа нашего Иисуса Христа, сердце мое до того умилилось, что я не могу успокоиться, пока не приму святого крещения.

Епископ крестил его и, совершив святую литургию, приобщил Божественных Таин. Максим пребывал у родственников своих христиан, воспевая с ними Богу и славя Его; в это

время он окончательно распродал имение, которое он не мог продать и раздать в пять дней, и раздал нищим через верного друга своего Фарсона, который был тайный христианин и впоследствии описал страдания сих святых мучеников, так как всё совершалось на его глазах.

По прошествии пятнадцати дней со времени посещения Максимом Клавдия, Диоклитиан узнал, что оба они, – а последний и со всем своим семейством, сделались христианами: это очень его огорчило. Однако он скрывал свою печаль и своей супруге, царице Ирине сказал только, что посылал к Гавинию, желая сосватать дочь его Сосанну сыну своему Максимиану. Услышав об этом, Ирина прославила Бога: она была тайная христианка, а царю сказала:

– Делай, что внушает тебе Бог.

Не доверив царице своей скорби, Диоклитиан призвал к себе военачальника Юлия, язычника и человека жестокого, и рассказал ему с печалью, что возлюбленные родственники его, посланные для обручения невесты сыну Максимиану, приняли христианство, не смотря на его запрещение.

– Все пренебрегающие царские повеления, – сказал Юлий, – хотя бы последние были несправедливы, должны подвергнуться смертной казни; твое же приказание было справедливо, и если они его нарушили, то тем более достойны смерти.

Царь тотчас приказал Юлию послать воинов, чтобы взять всех кроме епископа Гаия, что и было исполнено. Пресвитера Гавиния с дочерью он велел стеречь в кустодии; Максима же и Клавдия с женой и детьми послал в изгнание; потом он велел сжечь их в городе Остия⁴, бросив пепел в море; так скончались святые, удостоившись славного мученического венца.

Спустя пятьдесят пять дней, Диоклитиан велел супруге своей взять к себе Сосанну, чтобы склонить ее к браку с его сыном. Когда же святая Сосанна, находившаяся под стражей, увидела идущих за нею, то с глубоким сердечным вздохом и слезами сказала, обращаясь к Богу:

– Господи, не оставь рабы Твоей!

Когда Сосанну ввели к царице, то последняя поклонилась ей прежде, чем она: царица чтит в ней благодать Христову и целомудрие. Святая Сосанна упала пред царицею на землю, но она ласково подняла ее со словами:

– Радуется о тебе Спаситель наш Христос.

Услышав из уст царицы имя Христово, святая Сосанна возрадовалась и сказала:

– Благодарю Христа Бога моего, царствующего на всяком месте!

И обе они, царица Ирина и святая Сосанна, радовались о Господе Боге, с любовью беседуя о Нем. Они возносили к Нему горячие молитвы, особенно же святая Сосанна: следуя наставлениям отца, она непрестанно днем и ночью воспевала благословляя Бога. Диоклитиан же в это время ждал, надеясь, что Сосанна даст согласие на брак. После долгих ожиданий он послал за царицей и спросил ее:

– Склонила ли она Сосанну на брак с его сыном? Склоняется ли она на любовь Максимиана?

– Напрасен труд там, – отвечала царица, – где преследуется невозможная цель, и не следует надеяться там, где не будет согласия: я не замечаю в Сосанне и следа таких мыслей и намерений, которые бы позволяли думать, чтобы кто-либо мог ее каким-нибудь образом принудить к этому.

Услышав это, Диоклитиан пришел в сильнейший гнев и дал позволение сыну своему Максимиану опозорить Сосанну, совершив над нею гнусное насилие, но не во дворце, – пусть отведет ее в дом отца ее и там обесчестит ее, повинувшись своей постыдной похоти. Святая Сосанна принуждена была оставить дворец, чтобы отправиться в дом свой. Отпуская святую Сосанну, царица с плачем говорила ей:

– Избавивший в древности рабу Свою Сосанну (Дан, гл. 13) избавит и тебя, поможет тебе и дарует славное упокоение.

Простившись, они расстались, рыдая. Когда святая Сосанна была приведена в свой дом двумя женщинами, она упала на землю в своей комнате и здесь с рыданием и плачем молилась Избавителю своему Христу, чтобы Он поспешил к ней на помощь. В ту же ночь пришел распалaeмый скверною похотью сын царя Максимиан; войдя тихонько в комнату, где молилась святая Сосанна, он увидел над неб ангела Божия, от которого исходило великое сияние. На Максимиана напал сильный страх: не осмелившись подойти к святой Сосанне, он поспешил как можно скорее домой, во дворец, где и рассказал о всём своему отцу.

– Это не больше как волшебство христиан, – сказал Диоклитиан.

И послал одного из приближенных своих, Куртия, разузнать, что делается в доме Сосанны. Но и Куртий, как только вошел в дом, тотчас почувствовал сильный страх и в ужасе побежал к царю. В это время Диоклитиан вел споры с царицею относительно пришествия Христа и почитания богов. Будучи побежден царицею, он вспомнил о Сосанне и сказал:

– Почему ты не увещевала ее, видя ее красоту и ум, согласиться на брак с моим сыном?

– Она избрала себе лучшее, – отвечала царица, – ведь и сын твой сам говорил, что видел над нею неприступный свет.

Царь чрезвычайно разгневался и приказал некоему Македонию, ревностному язычнику, отличавшемуся жестокостью, идти к Сосанне и принудить ее не только посредством угроз, но и мучений к идолопоклонству; вместе с тем Диоклитиан приказал делать это тайно, чтобы не осуждали царя за мучительство, говоря, что он не щадит даже родственников своих. Македоний пришел к святой Сосанне, захватив с собою маленького золотого идола, изображавшего бога Дия; показывая его святой, он приказывал ей поклониться ему. Свята Сосанна дунула на идола со словами:

– Господи мой, Христе Иисусе, пусть не видят очи мои дьявольского орудия.

И тотчас идол, находившийся в руках Македония, сделался невидим, точно кто вырвал его. Македоний удивился и думал, что как-нибудь сама святая Сосанна похитила идола и спрятала его:

– Вижу, – сказал он, – что ты любишь золото, так как украли идола из моих рук, и не могу не похвалить тебя за это: думаю, что ты не взяла бы идола, если бы не любила его.

– Господь Бог мой, – отвечала святая Сосанна, – послал ангела Своего, который и удалил идола из глаз моих, выбросив его вон из дома.

Во время этих слов ее вошел слуга Македония, докладывая, что идол выброшен из дома на дорогу. Придя в сильную ярость, Македоний своими руками разорвал одежды на святой Сосанне и начал без жалости бить ее палками. Свята же Сосанна взывала в это время:

– Слава Тебе, Господи!

– Принеси жертву богам, – сказал Македоний.

– Я сама себя приношу в жертву Господу моему, – отвечала святая.

Македоний доложил царю о неизменном и твердом пребывании Сосанны в вере и о поругании ею идола. Царь приказал там же, в доме, убить ее мечом. И была усечена глава невесте Христовой, святой мученице Сосанне; она отошла, веселясь и радуясь, в светлый чертог небесного Жениха своего. Узнав об убиении святой Сосанны, царица взяла ночью честное тело святой мученицы и собрала кровь ее пролитую на земле покровом со своей головы: обвив полотном, умащенным ароматами, царица положила тело ее в усыпальнице святого Александра, где было погребено много мучеников, а кровь ее, собранную на головное покрывало, вложила в серебряный ковчег, который спрятала в своей комнате, где она обычно тайно молилась и днем и ночью. Святой же папа Гай храмину, где была пролита кровь святой мученицы Сосанны, освятил в церковь и совершал в ней Божественные службы⁵. – Спустя немного времени пострадал и святой пресвитер Гавиний, а после него приял мученическую кончину и святой Гай; все они, как мученики, предстали престолу Божию, славя Отца, Сына и Святого Духа, единого Бога в Троице. Ему же и от нас да будет честь и слава, и ныне и присно, и во веки веков⁶. Аминь.

¹ Диоклитиан – император 284-305 гг.

² Максимиан – император, соправитель Диоклитиана 285-305 гг.

³ Гаий был папою от 283 г. по 22 апреля 296 г.

⁴ Так называлась пристань близ Рима.

⁵ В жизнеописании папы Сергия говорится о церкви в самом доме Сосанны, бывшей в 682 году.

⁶ Святые мученики поминаемые с Сосанною, скончались в 295-296 гг. Мощи мч. Сосанны с мощами отца ее Гавиния находятся в Риме, в церкви ее имени; мощи папы Гаия также в Риме в церкви его имени.

Память святого мученика Евпла диакона

В царствование Диоклитиана и Максимиана гонение на христиан распространилось по всей вселенной. В это время упомянутыми нечестивыми царями в Сицилию был послан для розыска и мучений христиан один, известный своею жестокостью, князь, по имени Пентагур. Придя в город Катану, мучитель приказал городскому начальнику Калвисиану собрать на площадь весь народ, не только живущий в городе, но в окрестностях. На Ахиллиевой площади было приготовлено место для зрелища, и на звуки трубы и бубнов собралось множество народа обоего пола и разного возраста. Сюда пришел и князь Пентагур с Калвисианом; увидев народ, он спросил последнего:

- Все ли воздают честь и поклонение и приносят жертвы нашим богам?

Калвисиан отвечал:

- Поистине, светлый князь, все, которых ты видишь, усердно служат великим богам, принося множество жертв; среди них нет ни одного нечестивца.

Этот ответ привел Пентагура в сильную радость, и он выразил свое одобрение как народу, так и начальнику города; затем, обнародовав повеление царей, он пред всеми дал власть Калвисиану, – если найдется кто-либо называющий себя христианином, то он может предать его мучениям и умертвить. После этого Пентагур

удалился в другие города; Калвисиан же призвал к себе преторских слуг и приказал им тщательно разыскивать, не найдется ли где-либо в городе или его окрестностях кто-либо, хотя бы даже тайно исповедующий христианскую веру, – такого человека они должны взять для мучений. Тогда подошел один из слуг и сказал:

- Здесь в городе есть человек по имени Евпл: он носит с собою какую-то книгу и, обходя дома и улицы, учит народ, называя велики христианского Бога.

(Святой Евпл был диакон и носил с собою Евангелие: читая из него народу о чудесах Христовых, он учил его веровать во Спасителя).

Услышав это, Калвисиан тотчас послал взять его и привести к себе связанного. Воины отправились, разыскивая святого Евпла по всему городу; наконец они нашли его в одной бедной хижине, где он читал святое Евангелие, поучая слушающих; воины взяли его, связали ему назади руки и повели на суд к городскому начальнику, захватив и Евангелие. Увидев святого Евпла, Калвисиан сказал:

- Ты ли хулитель богов и преступник приказаний царских?

Святой Евпл отвечал:

- Кто такие ваши боги, чтобы я почитал их?

- Наши боги - Юпитер, Асклипий и Диана, – сказал Калвисиан.

- Ты, – возразил ему святой, – слеп, не зная единого истинного Бога, сотворившего небо и землю, создавшего человека из земли и нас христиан облекшего бесценною и пресветлою одеждою бессмертия, которая есть святое крещение.

- Ты потому говоришь так горделиво, что не испытал еще мучений, – сказал Калвисиан.

- Для меня эти муки венец светлый, а для тебя тьма и погибель, – возразил святой Евпл.

Тогда Калвисиан, сильно разгневавшись, приказал повесить святого Евпла и строгать его железными гребнями. В время этих мучений святой Евпл поднял к небу глаза свои и, молясь, говорил:

- Господи Иисусе Христе, одлеки меня, с которого как одежду совлекают теперь плоть, бессмертием в будущей жизни даруй мне на час сей крепость, чтобы не победили меня муки. И с неба был голос:

- Мужайся и крепись, Евпл! тебе уже уготована истинная одежда.

Долго строгают святого мученика, причем Калвисиан говорил ему:

- Неужели ты не оставишь своего заблуждения? Почему ты не хочешь войти в храм богов и принести им жертву, чтобы от них получить прощение своих грехов, от царе - честь и богатство, от нас - предложение дружбы; вообще через это ты приобрел бы много золота и серебра.

- О, сын погибели слуга и сообщник дьявола! - отвечал святой Евпл, – не знаешь ли, как грозно в день страшного суда Божия ты будешь наказан за всех тех, которых теперь склоняешь к идолопоклонству золотом и серебром?

Еще более разгневавшись, мучитель приказал бить святого по челюстям железными молотками и сокрушать ему бедра и голени. Во время этих побоев святой Евпл укорял мучителя, говоря:

- Безумный, ослепленный злобою человек! к чему ты причиняешь мне эти муки, которые я, укрепляемый моим Богом, считаю за паутинные сети? Если можешь, изобрази еще более лютые, а эти для меня не более как игра.

После этого Калвисиан приказал отвязать святого Евпла и, повесив ему на шею Евангелие, отвести в темницу, при этом он велел особенно тщательно запереть тюремные двери и запечатать их его перстнем, и поставить стражу, чтобы никто не мог пройти к святому Евплу и принести с собою хлеба и воды: Калвисиан хотел, чтобы он, мучимый жаждою и голодом, умер. Святой Евпл пробыл в темнице семь дней и ночей и почувствовал сильнейшую жажду; тогда он помолился Господу:

- Господи Иисусе Христе, истинный Бог наш, дарующий пищу всему живущему, Ты, напоивший в древности людей Твоих, водимых по пустыне Моисеем, источив им из камня живую воду (Исх.17:6), Ты, изведший для Сампсона воду из сухой челюсти ослиной (Суд.15:19) и омывший нас водою святого крещения, дай и мне, молю Тебя, прохладу, ибо я изнемогаю от жажды: повели, да истечет в темнице этой источник воды и утолит жажду мою, и все узнают, что Ты один Бог и нет другого, подобного Тебе.

Когда святой Евпл окончил эту молитву, внезапно в темнице появился источник воды; он выпил этой воды и удовлетворил ею не только свою жажду, но и свой голод, как будто бы пищею; святой Евпл воспел, славя и благодаря Бога. По прошествии семи дней, Калвисиан приказал вывести из темницы мученика, если он еще жив: он полагал, что святой Евпл отчасти от ран, отчасти от голода и жажды уже умер. Когда воины пришли и открыли двери темницы то пришли в ужас, увидев, что вся темница полна воды. Святой же Евпл простер руки над водою, как бы повелевая, и вода тотчас стала невидима. Воины сказали друг другу:

- Поистине велик Бог, Которому служит этот человек!

И, взяв святого мученика, они повели его в дом городского начальника. Последний увидев, что святой Евпл нисколько не изменился телом и весел, точно идет с пиршества, очень удивился и сказал:

- Хотя теперь поклонись богам, прежде чем тебе не отсекут головы.

Святой Евпл отвечал:

- Коварный и ослепленный друг дьявола! Кому охота оставить свет для того, чтобы ходить во тьме?

Разгневанный градоначальник приказал оторвать ему уши железными крючками и отвести связанного в претор для суда; сюда пришел и сам мучитель и, севши на своем месте, долго принуждал святого к принесению нечестивых жертв, но, видя, что святой Евпл остается непреклонным, Калвисиан осудил его на усекновение мечом. Выслушав свой смертный приговор, святой Евпл просил градоначальника, чтобы пред усекновением ему дано было время для молитвы, Калвисиан изъявил свое согласие на просьбу. Когда воины повели святого мученика на казнь, то им сопутствовала большая толпа народа, среди которое не мало было и христиан, тайно державшихся своей веры. Достигнув места, святой Евпл остановился; потом, обратившись к народу, он взял Евангелие, которое всегда носил с собою, и, открыв, начал читать о чудесах Христовых, поучая познанию истинного Бога, и многие из язычников просветились светом истины Христовой. Затем святой Евпл начал молиться Богу и к нему пришел глас свыше:

- Блажен ты Евпл, добрый и верный раб Мой, гряди и вступи в радость Господа твоего, наслаждаясь покоем со всеми от века благоугодившими Мне!

После того как раздался этот глас, святой Евпл преклонил голову свою и, по усечении ее, отошел ко Господу своему: его страдания закончились в одиннадцатый день августа месяца¹. Благоговейные мужи из христиан взяли честное тело и главу и погребли в особо уготованном месте, и по молитвам святого мученика при гробнице его совершалось много исцелений, в которых действовала благодать Господа нашего Иисуса Христа, Ему же со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки. Аминь.

Кондак, глас 1:

Законы Христовы в руку обнося, предстал еси вопия врагом в подвизе: самозван есмь страдальчествовати твердейши. Темже приклонив радостно выю твою, подъял еси усечение мечем, скончавый течение твое.

¹ По другим, более достоверным, известиям святой Евпл усечен 12 августа в 304 году. Мощи его находятся в пределах неаполитанских в Тривико (теперь *vicino della Varonia*); когда сюда перенесены из Катаны не известно; в 1656 году перенесена отсюда часть мощей обратно в Катану.

Житие преподобных отец наших Феодора и Василия, иноков Киево-Печерских

"Корень всех зол есть сребролюбие" (1Тим.6:10), – говорит святой Апостол Павел. Исполнение этого изречения мы видим в настоящем житии преподобных Феодора и Василия: враг и виновник зла возбудил в душе святого Феодора греховные мысли и намерения ничем иным, как сребролюбием; чрез сребролюбие диавол причинил телесные страдания и смерть не только преподобному, но и советнику его, блаженному Василию. Об этих святых отцах повествуется следующее.

Преподобный Феодор во время жизни в миру обладал очень болим состоянием. Услышав однажды слова Господа в Евангелии, – **"всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником"** (Лк.14:33), он последовал им: оставив мир

и раздав свое богатство нищим, преподобный Феодор сделался черноризцем Печерского монастыря, ведя жизнь полную подвигов. По приказанию игумена он поселился в пещере, известной под именем Варяжской, где и прожил много лет, соблюдая строгое воздержание. Во время пребывания преподобного Феодора в этой пещере диавол поселил в нем скорбь и сожаление о розданном нищим имении, приводя ему на ум преклонность лет, слабость здоровья и скудость монастырской пищи. Блаженный Феодор не понял, что подобные мысли есть дьявольское искушение. Забывая слова Господа: **"не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их"** (Мф.6:25-26), и видя нищету свою, он начал приходить от скорби к отчаянию, с каждым днем всё более пленяясь искушением. Однажды он открыл, ничего не утаивая, свою печаль своим друзьям.

Среди черноризцев Печерского монастыря был некто Василий, один из наиболее добродетельных по жизни. Желая извлечь преподобного Феодора из рва отчаяния и утешить его, он сказал ему:

– Молю тебя, брат Феодор, не губи награды своей, но если ты сожалеешь об имении, розданном нищим, то я постараюсь возратить его тебе в том же количестве: ты только скажи пред Господом, чтобы твоя милостыня вменилась мне, и тотчас избавишься от скорби и снова приобретешь через меня свое имение. Впрочем, смотри, попустит ли это Господь: в Константинополе также некто сожалел о золоте, розданном нищим, и вменил пред Богом милостыню другому, взяв с него деньги, равные розданным; когда он сказал: "Не я, Господи, сотворил милостыню, но она есть дело сего", то тотчас упал среди церкви и умер, потеряв таким образом и золото и жизнь.

Выслушав это, блаженный Феодор образумился и начал оплакивать свое падение, ублажая брата, исцелившего его от столь опасной душевной болезни. О таких людях сказал Господь: **"если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста"** (Иер.15:19). С этого времени между Феодором и Василием еще более усилилась любовь друг к другу. С тех пор преподобный Феодор неустанно преуспевал в заповедях Божиих, стараясь совершать всё необходимое для праведной, богоугодной, святой и непорочной жизни. Диавол же подвергся великому посрамлению, не будучи в состоянии окончательно прельстить преподобного Феодора сребролюбием. Он опять вооружился на преподобного, строя новые козни, чтобы возбудить в нем страсть любостяжания. Однажды игумен послал преподобного Василия из монастыря на некоторое послушание, исполнение которого заняло у него три месяца: считая это время удобным для своих козней, диавол, приняв образ Василия, пришел в пещеру к преподобному Феодору как будто для душевспасительной беседы.

– Как ты, – говорил он, – преуспеваешь в добродетельной жизни? Прекратилась ли у тебя борьба с искушениями бесовскими или всё еще продолжается, возбуждая в тебе любостяжание чрез воспоминание о имении розданном нищим?

Преподобный Феодор, не узнав беса и полагая, что с ним говорит брат Василий, отвечал:

– По твоим, отче, молитвам я с успехом выдерживаю борьбу с диаволом и не слушаю возбуждаемых им мыслей, и теперь, что ты мне прикажешь, я охотно исполню, повинуюсь тебе: в твоих наставлениях я нашел великую пользу для моей души.

Мнимый же брат, не слыша из уст преподобного Феодора имени Божия, приобрел еще большую смелость:

– Я даю тебе, – сказал он, – новый совет: исполнив его, ты найдешь покой и скоро получишь от Бога вознаграждение в размере розданного тобою имения: проси у Господа Бога, чтобы Он послал тебе множество золота и серебра, и не позволяй никому входить к тебе в пещеру и сам не выходи из нее.

Преподобный Феодор обещал всё это исполнить. Тогда оставил его полный злых ухищрений диавол; незаметно внушая преподобному мысль о приобретении сокровищ, он побуждал его молиться об этом. Блаженный Феодор молил Господа послать ему сокровище,

которое он обещался всё раздать нищим. После молитвы он уснул и увидел во сне беса, который, приняв вид светлого ангела, указывал ему на сокровище в пещере. Это видение было не один, а много раз. Спустя некоторое время, преподобный Феодор пришел на указанное ему в сновидении место; начав копать, он действительно нашел здесь сокровище, состоящее из золота, серебра и ценных сосудов. После этого бес под видом Василия опять пришел к нему и сказал:

– Где данное тебе сокровище? Явившийся тебе ангел открыл и мне, что по своим молитвам ты получил множество золота и серебра.

Блаженный Феодор не захотел показать ему сокровища. И тотчас коварный бес начал явно советовать ему, влагая и тайные помысли, взять сокровище и удалиться с ним в другую страну. Сначала он сказал преподобному:

– Не говорил ли я, брат Феодор, что ты вскоре получишь от Бога вознаграждение за розданное тобою имение, ибо Он Сам сказал: **"всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную"** (Мф.19:29), и вот теперь в руках твоих богатство; делай с ним, что хочешь!

– Я затем просил его у Бога, – отвечал преподобный, – чтобы всё дарованное мне раздать нищим и думаю, что для этого именно оно и ниспослано мне.

– Смотри, брат Феодор, – возразил враг, – не причинил бы диавол опять тебе скорби через это раздаяние, как прежде; сокровище дано тебе, как замена розданного тобою, и я даю тебе совет: возьми его и иди в другое место, а там приобрети себе землю; и в том месте можешь спастись и избежать бесовских козней. Когда же придет время смерти, то никто не запретит тебе раздать имущество, кому захочешь, и по тебе через это сохранится благодарная память.

Преподобный Феодор отвечал:

– Мне стыдно, что я, оставя мир с его благами и обещавшись окончить жизнь в этой пещере, сделаюсь беглецом и мирским человеком.

– Ты не можешь, – убеждал его диавол, – скрыть здесь сокровища: об нем узнают и тогда возьмут его от тебя. Лучше послушайся меня и исполни скорее, что я посоветую тебе: если бы Богу не было угодно, чтобы ты обладал имуществом, то Он не послал бы тебе сокровища и не известил бы меня, чтобы я тебя наставил.

Тогда блаженный Феодор, поверив бесу, как брату, начал тайно приготавливать повозки и сосуды, в которые бы мог поместить сокровища, чтобы с ними выйти из пещеры и отправиться, куда бы повел его диавол, хотевший хитростью своею удалить святого от места преподобных Антония и Феодосия, от Пресвятой Богородицы и, главным образом, от Бога. Но человеколюбивый Господь, **"Который хочет, чтобы все люди спаслись"** (1Тим.2:4), спас по молитвам своих преподобных и раба своего Феодора.

В это время возвратился из путешествия преподобный Василий, ранее избавивший блаженного Феодора от злых помышлений. Желая повидаться с ним, он пришел к нему в пещеру, говоря:

– Как ты проводишь теперь, брат Феодор, жизнь свою по Боге? Давно я тебя не видал.

Преподобный Феодор удивился такому приветствию и сказал:

– Что это ты говоришь, что долгое время не видел меня? Вчера, третьего дня и раньше ты постоянно приходил ко мне, поучая меня, и вот я теперь, отправляюсь, как ты мне велел.

В свою очередь преподобный Василий еще более удивился такому ответу:

– Скажи мне, – спросил он, – что значат твои слова, будто я вчера, третьего дня и раньше постоянно приходил к тебе, наставляя тебя? И куда ты идешь? Я только сегодня возвратился с дороги и ничего не знаю: быть может тебя искушал диавол? Молю тебя, ради Бога не скрывайся от меня.

Преподобный Феодор с гневом сказал ему:

– Что ты искушаешь меня? Зачем смущаешь душу мою, говоря в одно время так, а в другое иначе? Чему я должен верить?

Выразив так ему свою досаду, он прогнал его от себя.

Выслушав это, преподобный Василий удалился в монастырь. А бес снова пришел в образе Василия к преподобному Феодору:

– Потерял я окаянный ум, – сказал он, – говоря тебе то, что не следует; поэтому я не помню поношения, нанесенного мне тобою, и повторяю тебе опять: в эту же ночь иди скорее отсюда, захватив свое сокровище.

С этими словами он удалился.

Преподобный же Василий, взяв с собою некоторых старцев, опять пришел к Феодору:

– Бог свидетель, – обратился он к нему, – что прошло три месяца, как я не видел тебя: я был отослан игуменом по монастырским делам; сегодня третий день как я возвратился, а ты, едва только я вошел к тебе, сказал мне, что за всё время моего отсутствия я постоянно приходил к тебе. Думаю, что к тебе приходил в моем образе бес; если хочешь убедиться, сделай так: не позволяй никому из пришедших к тебе начинать беседы с тобою, прежде чем он не сотворит молитвы Иисусовой: если вошедший не захочет, тогда узнаешь, что он есть бес.

После этого преподобный Василий сотворил молитву запрещения, призывая на помощь святых, и, наставив Феодора, ушел в монастырь в свою келлию. Бес не дерзнул снова явиться преподобному Феодору, и для него стало явно коварство обольстителя. С той

поры он заставлял каждого проходящего к нему прежде всего сотворить молитву Иисусову и потом уже беседовал с ним. Так преподобный Феодор победил врага и избавился при помощи Божией от уст льва, ищущего добычи (ср. 1Пет.5:8). Подобное избавление Господь оказывал и оказывает многим избранникам Своим, скитающим в пустынях и пропастях, безмолвствующим наедине в затворах: им нужна великая нравственная сила и Божия помощь, чтобы их во время борьбы не победил и не поглотил зверь душегубитель.

будучи избавлен от рва погибели, преподобный Феодор стал заботиться о том, чтобы впал в яму сам враг рода человеческого: прежде всего он закопал глубоко в землю найденное им сокровище, едва не приведшее его к отпадению от Бога; в то же время преподобный Феодор непрестанно молил Господа, чтобы Он даровал ему забвение места, где зарыто сокровище и отнял от него страсть любостыжания. Господь услышал молитву раба Своего: преподобный Феодор совершенно забыл, где было скрыто им сокровище, и никогда не думал о приобретении богатств; золото и серебро для него стали не дороже грязи.

Затем, чтобы не пребывать в праздности, которая порождает леность, а с нею и беспечность, чем диавол снова мог воспользоваться для своих искушений, преподобный Феодор возложил на себя великий труд: он поставил в своей пещере жернова и начал работать на братию, причем не только сам молот жито, но сам и приносил его из монастыря; ночь он проводил почти без сна, посвящая большую часть ее молитве и работе на ручных жерновах, а днем относил муку и снова приносил жито. Своими трудами преподобный в течение многих лет не мало облегчал монастырских рабов, не стыдясь разделять их труд.

Однажды монастырский келарь, увидев, какой тяжелый и мучительный подвиг возложил на себя преподобный Феодор, пришел в умиление: когда было привезено из монастырских сел жито, он отправил пять возов его к преподобному, чтобы он избавил себя от лишнего труда, – не ходил за ним в монастырь. Преподобный Феодор, высыпав жито, принялся за работу, поя псалмы. Утомившись, он хотел немного отдохнуть, вдруг раздался

как бы удар грома, и жернова начали сами молоть. Уразумев козни диавола, преподобный Феодор поднялся и начал усердно молиться, после чего сказал громким голосом:

– Господь запрещает тебе, лукавый бес!

Но бес не переставал молоть на жерновах. Тогда преподобный снова сказал:

– Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергнувшего тебя с небес и давшего во власть угодников Своих, я грешный повелеваю тебе не оставлять работы, пока не перемелешь всё жито: потрудись и ты на святую братию.

Сказав это, он продолжал молитву: бес же не посмел послушаться и в одну ночь измолот всё жито. Утром преподобный Феодор дал знать келарю, чтобы тот прислал за мукою. Келарь удивился столь необычайному делу, как можно было смолоть в одну ночь пять возов, и сам отправился в пещеру, чтобы вывезти из нее муку, причем совершилось другое чудо: от этого же жита получилось еще пять возов муки. Так сбылось здесь, в сейчас рассказанном событии из жизни преподобного Феодора, слово Апостолов, некогда говоривших Иисусу Христу: **"Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем"** (Лк.10:17), а также и обетование Самого Слова Божия: **"се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью"** (Лк.10:19). Лукавые бесы хотели устрашить преподобного Феодора и заставить его повиноваться себе как прежде, во время его прельщения, но вместо этого сами наложили на себя узы рабства, так что принуждены были возопить:

– Мы не будем более появляться здесь.

Преподобные Феодор и Василий установили между собою благочестивый обычай никогда не утаивать своих мыслей, но обоим обсуждать их вместе, чтобы видеть, насколько они богоугодны. По обоюдном совещании, Василий удалился безмолвствовать в пещеру, а преподобный Феодор, как достигший уже старости, вышел из нее с тем, чтобы поселиться в древнем монастыре.

В это время монастырь был сожжен. Деревья на устройство церкви и келлий, пригнанные плотами по Днепру, лежали на берегу, и наняты были работники, чтобы ввести их в гору, но преподобный Феодор, желая сам поставить себе келью, начал на себе носить бревна с берега на гору, не позволяя никому работать за него. Лживые бесы, забыв свое, вынужденное подневольное работой обещание никогда не приближаться к преподобному, снова начали свои козни: все бревна, какие с великим трудом блаженный Феодор вносил за день на гору, бесы ночью сбрасывали вниз, желая через это добиться его удаления. Поняв козни бесов, преподобный сказал им:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа, повелевшего вам войти в свиней (Мф.8:32), я, грешный раб Его, повелеваю вам все бревна с берега перенести на гору, чтобы братия, работающая Богу, не отрывалась от своего труда и могла без ваших козней выстроить храм Пресвятой Богородице и келлии себе; тогда узнаете, что Господь присутствует на этом месте.

В ту же ночь бесы перенесли с берега на гору все бревна, предназначенные для постройки монастыря. Когда утром на берег приехали нанятые для перевозки, то не нашли ни одного бревна; поглядев по сторонам, они увидели, что бревна уже находятся на горе и не свалены в кучу, а разложены в порядке: особо – предназначенные для крыши, особо – для пола и особо – длинные, чрезвычайно тяжелые балки. Всё это, как дело превышающее человеческие силы, возбуждало удивление. Так прославился Господь чрез угодников своих Феодора и советника его Василия; ради их подвигов Господь явил это чудо. Но эти сродные по духу рабы Божии не гордились, видя повиновение себе бесов, следуя наставлению Христа: **"не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах"** (Лк.10:20). Бесы же, столь явно обличенные в своих кознях святыми Феодором и Василием, не могли стерпеть своего поношения, – они когда-то пользовавшиеся, как боги, почитанием и поклонением от язычников, теперь должны были переносить от верных угодников Божиих презрение, унижение и бесчестие, должны были, как рабы купленные, трудиться для них то меля жито, то таская бревна, и к тому же,

повинуясь запрещению тех же святых, они должны были удалиться от людей. Поэтому то во время переноски бревен они и вопили, как слышали некоторые:

– О, злые и лютые враги наши Феодор и Василий! Мы не перестанем бороться с вами, пока не предадим вас смерти!

С этого времени лукавые бесы, – не зная, что послужат к еще большему прославлению преподобных, – начали всеми способами возбуждать злых людей на святых Феодора и Василия. Тотчас же, по чудесном перенесении бревен, нанятые для перевозки рабочие подняли возмущение:

– Давай нам, – говорили они блаженному Феодору, – нашу плату: мы не хотим знать, какими хитростями ты вместе с Василием перенес бревна, когда мы готовы были их перенести.

К тому же присудил и недобросовестный судья, будучи подкуплен золотом: не помня угрозы Господа, что судящий неправедно сам будет осужден, он не побоялся сказать преподобному Феодору:

– Пусть помогут тебе платить те бесы, которые помогли перевозить.

Великую скорбь доставило это новое искушение диавола нестяжателю Феодору и советнику его Василию. Не достигши смерти преподобных, диавол, вспоминал сою первую победу над блаженным Феодором, воздвиг опять смертоносную бурю. Приняв образ преподобного Василия, безмолвствовавшего в то время в Варяжской пещере, он пришел к одному из ближайших к князю бояр; это был человек жестокий нечестивый, лично знавший преподобного Василия.

– Феодор, живший до меня в пещере, – сказал ему искуситель, – нашел большое сокровище, состоящее из золота, серебра и ценных сосудов, и хотел, было, бежать с ним, да я удержал его; теперь он притворяется юродивым и имеет сношения с бесами, которым приказывает то молоть жито, то носить бревна на гору с берега; при всем этом он тщательно скрывает найденные им богатства, чтобы удалиться с ним куда-нибудь тайно от меня, когда настанет для этого более благоприятное время; в последнем случае князю, конечно, ничего не достанется.

Услышав это, боярин повел мнимого Василия к князю Мстиславу Святополковичу. Бес рассказал и ему то же самое, присоединив еще следующий совет:

– Схватите его как можно скорее, пока не сбежал, и тогда получите сокровище; если он не захочет расстаться с ним добровольно, прибегните к побоям; но если и после них не согласится отдать, то подвергните его, не жале, пытке и позовите меня: я пред всеми уличу его и укажу самое место, где спрятано сокровище.

Обольстив, таким образом князя, бес крылся.

На другое утро князь, точно собравшись на охоту или против неприятеля, в сопровождении множества воинов поехал в монастырь; взяв преподобного Феодора, он привел его к себе в дом и стал сначала с ласкою спрашивать его:

– Скажи мне, отче, правда ли ты, как я слышал, нашел сокровище?

– Да, – отвечал преподобный, – я действительно нашел его, и оно спрятано теперь в пещере.

– Не известно ли, – снова спросил князь, – кто именно спрятал его и как много в нем золота, серебра и сосудов?

– Еще при жизни отца нашего Антония, – сказал блаженный Феодор, говорили о сокровище, спрятанном варягом в этой пещере, отчего она и до сих пор называется Варяжской; я видел его; оно состоит из множества золота, серебра и сосудов, только латинских.

– Почему же ты, отче, не отдашь его мне? – спросил князь. – Я разделю его с тобою, ты возьми сколько тебе будет нужно, и за это ты станешь вместо отца как мне, так и моему отцу (последний в это время находился в Турове).

Преподобный Феодор сказал на это:

– Я бы ничего не потребовал бы себе из того, что мне не принесет никакой пользы, всё бы отдал вам: на вас лежат такие заботы, от которых я совершенно свободен, но Господь отнял у меня всякую память о том месте, где мною зарыто сокровище.

Тогда князь в гневе приказал слугам:

– Скуйте этого монаха по рукам и ногам и не давайте ему даже через три дня хлеба и воды: он не дорожит моими милостями.

После того, как преподобный Феодор был закован, его снова спросили, куда он спрятал сокровище?

Преподобный Феодор отвечал на это то же, что и ранее:

– Я сказал уже, что не знаю, где оно находится.

После этого ответа князь велел его быть, так что власяница, бывшая на преподобном, омочилась кровью; потом, по приказанию того же князя, его повесили в сильном дыму и, привязав сзади, развели под ним огонь. Многие дивились терпению преподобного Феодора: он пребывал среди пламени точно среди росы; огонь не коснулся даже власяницы. Один из видевших это рассказал князю; последний, придя в ужас, опять стал увещевать старца:

– Зачем ты губишь себя, не открывая сокровища, которое должно быть наше?

– Я тебе истину говорю, что по молитвам брата моего Василия был избавлен от сребролюбия, когда нашел сокровище, и теперь, – снова повторяю, – Господь отнял у меня память, где оно зарыто, – отвечал преподобный Феодор.

Выслушав этот ответ, князь тотчас послал за блаженным Василием, которого привели силою, так как он не хотел выходить из пещеры.

– Всё, что ты советовал мне сделать с этим злым старцем, – обратился князь к преподобному Василию, – я сделал, и ничего не достиг и призываю во свидетели тебя, которого желаю иметь вместо отца.

– Что же я тебе советовал? – спросил в недоумении преподобный Василий.

– Он, не смотря на мучения, не хочет открыть, где спрятано им сокровище, которое, как ты сообщил мне, было им найдено, – отвечал ему князь.

– Узнаю козни лукавого беса, – сказал преподобный Василий, – прельстившего тебя, обогавшего меня и сего честного мужа: вот уже пятнадцать лет, как я не выхожу из пещеры.

– Ты при всех нас говорил князю, – возразили присутствовавшие при разговоре беса с князем.

– Вас всех прельстил бес, – отвечал преподобный, – я не видел ни вас, ни князя.

Разгневанный князь приказал и его, как преподобного Феодора, подвергнуть жестокой пытке. Не вынося обличения и придя в сильнейшую ярость, от опьянения перешедшую в буйство, он взял стрелу и ранил блаженного Василия. Извлеки стрелу из своего тела, преподобный бросил ее князю со словами:

– Этою стрелой скоро сам будешь ранен, – что и сбылось по пророчеству святого. После этого князь велел заключить преподобных, еле живых уже от мучений, в отдельную темницу, чтобы утром подвергнуть их новым, более жестоким пыткам. В ту же ночь оба преподобных отошли ко Господу (в 1098 г.). Господь вывел их души из темницы для прославления Его всесвятого имени в присносущем свете. Узнав об их смерти, пришли братья и, взяв тела святых страдальцев, с честью погребли их в Варяжской пещере, где они проводили свою, полную богоугодных подвигов, жизнь. Впоследствии они были перенесены в пещеру преподобного Антония, где и доньше лежат нетленны в окровавленных одеждах и власяницах, тоже не подвергшихся тлению.

Спустя немного времени после их блаженной кончины, сбылось пророчество преподобного Василия: князь Мстислав Святополкович был ранен стрелой во время битвы с князем Давидом Игоревичем в городе Владимире; узнав стрелу свою, которою ранил преподобного Василия, он сказал:

– Вот я умираю, наказываемый за преподобных Феодора и Василия.

Так злой убийца был наказан за свое преступление; преподобные же страдальцы, как победители дьявола, побеждающего сребролюбием, увенчаны не тленным серебром и золотом, но вечною славой и честью: они получили венец от драгоценного Камня – Христа, Ему же честь и слава с Богом Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

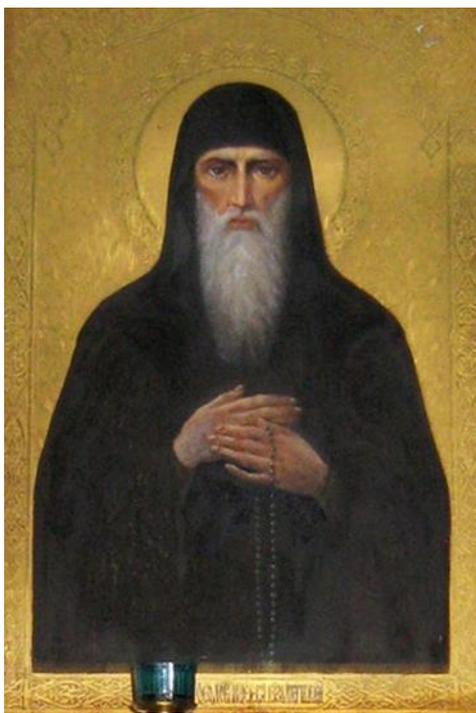
Тропарь, глас 1

Союзом любве связавшися, преподобнии,/ всяк союз козней вражиих попрасте,/ страдание же и смерть неповинне/ от сребролюбиваго князя претерпесте добре,/ тем молим вас, вкупе поживших/ и венцы мучения приемших,/ молитесь Господеви о нас,/ яко да во мнозей любви, вере и надежди добре поживше,/ всегда ублажаем вас,/ Феодоре и Василие добропобеднии.

Кондак, глас 2

Добр советник явлься блаженному Феодору,/ Богомудре Василие,/ избавил еси того советом своим от прелести дьяволи/ и ко свету богоразумия наставль./ С темже послежде блаженную приял еси кончину,/ устрелен неправедно быв во утробу от сребролюбиваго князя./ И ныне, предстоя Господеви,/ молися непрестанно о всех нас.

Феодор, князь Острожский. Преподобный

Преподобный Феодор, князь Острожский, стяжал славу устройением храмов и защитой Православия на Волыни от насилий папизма. Он происходил от рода святого равноапостольного князя Владимира (память 15/28 июля) через правнука Святополка Михаила, князя туровского (1080–1093), великого князя киевского († 1113). Первый раз имя преподобного князя Феодора упоминается под 1386 годом, когда польский король Ягелло и литовский князь Витовт утвердили за ним наследственное владение – Острожский округ – и увеличили Заславским и Корецким округами. В 1410 году преподобный князь Феодор участвовал в разгроме рыцарей католического ордена под Грюнвальдом. В 1422 году святой князь из-за сочувствия православным в Чехии поддержал гуситов в борьбе с германским императором Сигизмундом. (В русское военное искусство введен был святым князем особый прием – гуситский строй, так называемые таборы, усвоенный украинским казачеством). В 1432 году, одержав ряд побед над польскими войсками, святой Феодор вынудил князя Ягелло оградить законом свободу Православия на Волыни. Князь Свидригайло, опасавшийся усиления своего союзника, в 1435 году заключил преподобного Феодора в темницу, но народ, любивший святого, поднял мятеж и он был освобожден. Преподобный Феодор примирился с обидчиком и явился ему на помощь в борьбе с литовско-польской партией. В 1438 году святой князь участвовал в битве с татарами; в 1440 году, по вступлении на польский престол Казимира, младшего сына князя Ягелло, святой Феодор получил на правах наместничества города Владимир, Дубно, Острог и стал обладателем обширнейших имений в лучших областях Подолии и Волыни. Все это вместе с княжеской силой и славой преподобный Феодор оставил, поступив после 1441 года в Киево-Печерскую обитель, где, приняв монашество с именем Феодосий, подвизался для спасения своей души до самого преставления к Богу. Год преставления преподобного Феодора неизвестен, но не подлежит сомнению, что он

скончался во второй половине XV века в глубокой старости. Погребен преподобный в Дальних пещерах преподобного Феодосия (память Собора преподобных отцов Дальних пещер 28 августа/10 сентября). Прославление, очевидно, было в конце XVI века, так как в 1638 году иеромонах Афанасий Кальпофийский свидетельствовал, что «преподобный Феодор открыто почивает в Феодосиевой пещере в целом теле».

профессор Сергей Иванович Смирнов. Жития русских святых

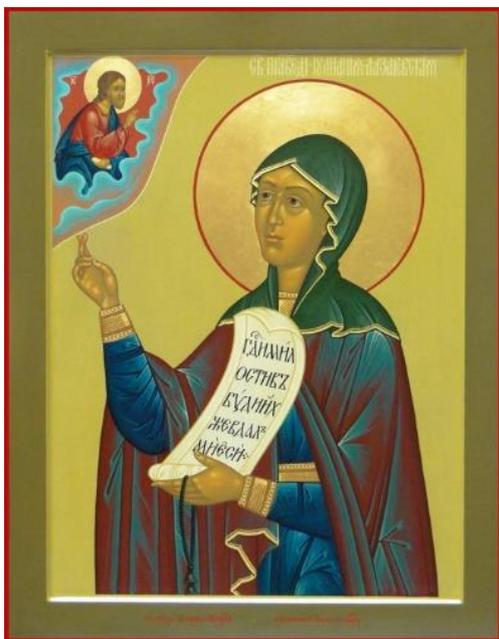
Тропарь преподобного Феодора, князя Острожского, Печерского, глас 7

Преобразил еси земнаго княжения славу / во иночества образ смиренный, / и вместо врагов видимых / на невидимыя ополчился еси, / и, обою победитель красен являясь, / един от чудотворец Печерских показался еси; / темже и нам ревности Божия дар испроси, / братолюбием сердца наша просвети / и ко спасению вечному стези наша, Феодоре блаженне, направи.

Кондак преподобного Феодора, князя Острожского, Печерского, глас 4

Красоты ризныя возгнушавшагося / и богатства тленнаго со благодарением отвершагося, / в ризу же безстрастия облекшагося / и богатому в щедротах Христу возследовавшаго, / приидите, вернии, восхвалим Феодора достославна, / яко молящаяся непрестанно / о душах наших.

Праведная Иулиания Лазаревская, Муромская

Дни памяти

15 января

6 июля - Собор Владимирских святых

24 августа - Обретение мощей

Праведная Иулиания Лазаревская (XVI в.) с юности вела благочестивую жизнь, помогая бедным и ухаживая за больными. Вышла замуж за Юрия Осорьина, родила шестерых детей. После гибели двух сыновей усилила подвиги поста и молитвы. Во время сильного голода, сама оставаясь без пищи, отдавала последний кусок просящему. Овдовев, раздала наследство, живя в нищете, но сохраняя радость. Удостоилась явлений Святителя Николая и Пресвятой Богородицы. После смерти (ок. 1604 г.) её мощи, обретённые в 1614 году, прославились чудесами.

Великий христианский подвижник Макарий Великий († около 390 года) в минуту горячей мольбы к Богу услышал голос с неба: «Макарий! Ты и до сих пор еще не сравнялся с двумя женщинами, которые живут в городе недалеко отсюда».

Старец немедленно взял посох и пошел, чтобы отыскать праведниц, которых указал ему голос свыше. После долгих исканий он постучался в двери одного городского дома, и его ласково встретили две женщины. Макарий сказал им: «Для вас только я пришел из пустыни, чтобы узнать ваши дела, откройтесь предо мною». «Человек Божий! – ответили стыдливо женщины, – можно ли чего-нибудь богоугодного требовать от тех, кто беспрестанно занят домашними хлопотами и должен исполнять супружеские обязанности?»

Но подвижник неотступно просил женщин объявить ему, какую они ведут жизнь. И они ответили: «Мы две снохи, супруги родных братьев; пятнадцать лет живем вместе и за это время не сказали друг дружке ни одного досадного слова; мы не имеем детей, а если Господь даст их, будем молить Его, чтобы помог нам воспитать малюток в вере и благочестии; с рабами поступаем ласково. Неоднократно советовались между собою вступить в общество святых дев, но не могли получить на то дозволения своих супругов. Видя их любовь к нам, мы решились не разлучаться с ними и служить им утешением. А чтобы наша жизнь хоть сколько-нибудь походила на жизнь святых пустынных, мы положили на сердце своем убегать шумных бесед, чаще быть дома и заниматься хозяйством».

На это преподобный Макарий сказал: «Поистине Бог не смотрит, дева ли кто, или супруга, инок или мирянин, но ищет только сердечного расположения к добрым делам: его Он принимает и по нему ниспосылает Святого Духа каждому, кто желает спастись; Утешитель же Дух Святой направляет его мысли и волю к небесной и вечной жизни».

Милостивая Иулиания в нашем отечестве показала такой же пример благочестия и чистоты духовной, какой в глубокой христианской древности на Востоке явили женщины преподобному Макарию. Ее жизнь поучает нас, что и в миру, в семье, среди забот о детях, муже и домочадцах можно угодить Богу не меньше тех, кто покидает мир для монастырской келлии: нужно только жить по требованиям христианской любви и евангельской правды.

Милостивая Иулиания родилась в Москве в дворянской среде от благочестивых и нищелюбивых родителей Иустина и Стефаниды, по фамилии Недюревых. Ее отец служил ключником при дворе царя Иоанна Васильевича. Иустин и Стефанида жили во всяком благоверии и чистоте, имели сыновей и дочерей, множество рабов и большое богатство. В этой семье в 30-х годах XVI века и родилась блаженная Иулиания. Шести лет от роду она потеряла мать, была взята на воспитание бабушкой с материнской стороны Анастасией Лукиной, урожденной Дубенской, и увезена из Москвы в пределы города Муром. Но через шесть лет скончалась бабка праведной Иулиании и завещала взять на воспитание двенадцатилетнюю сиротку тетке ее, а своей дочери, Наталье Араповой, у которой было много своих детей: восемь девиц и один сын. Известно, что и родные братья с сестрами далеко не всегда живут в мире и добром согласии; тем легче поселяются раздоры и свары между дальними родственниками, если они живут вместе. Праведная Иулиания почитала свою тетку, была всегда во всем послушна ей и неизменно смирялась перед своими двоюродными сестрами, хозяйками дома, молчаливо снося их обиды и укоры. Но по своей жизни Иулиания не была похожа на сестер: она не любила игр, забав и шалостей, на которые падка бывает юность, а отдавалась посту и молитве. Эта разница в поведении между Иулианией и ее сестрами вызывала не только у сестер, но даже у рабов издевательства и насмешки; под влиянием детей и тетка часто корила сироту. «О безумная, – говорили часто Иулиании хозяева-родственники, – для чего ты в такой молодости изнуряешь свое тело и губишь девическую красоту?» Даже насильно и без времени принуждали сироту есть и пить. Но всегда кроткая, молчаливая и покорная Иулиания становилась твердой и настойчивой, когда шло дело о спасении души и богоугодной жизни. Насмешки и укоры родных и рабов не действовали на Иулианию: она по-прежнему вела самую строгую и воздержную жизнь, игры и веселые песни сверстниц не привлекали ее, а вызывали в ней только недовольство и недоумение. Чуждаясь девических потех и забав, Иулиания зато с удвоенной силой предавалась труду – тем рукоделиям, которые в старину процветали в дворянских домах, особенно прядью и шитью в пальцах. За этим занятием праведная просиживала ночи.

Но не для себя работала Иулиания: она обшивала и обряжала бесприютных сирот, вдов и малосильных больных, которые были в той деревне. Для них-то она и трудилась, не покладая рук, не допивая, не доедая, не досыпая. Молва о ее человеколюбии разнеслась по окрестностям и вызывала удивление к ее добродетельной жизни. И что всего поразительнее, – высокое смирение и безграничную любовь к ближним Иулиания добыла

лишь из глубины своего чистого, христиански кроткого сердца. У ней не было руководителей и наставников; она не умела читать Священного Писания и брать оттуда уроки; за время своего девичества она даже не посещала храма Божия, так как его не было поблизости.

На 16-м году жизни Иулиания была повенчана священником Потапием с богатым муромским дворянином Георгием Осорьиним в селе Лазареве, вотчине Осорьиных. По совершении венчания священник сказал новобрачным поучение о том, как они должны жить между собой, как должны воспитывать детей в страхе Божиим, насаждать добродетель между домочадцами и вообще устроить из семьи малую церковь. Слова священника глубоко запали в душу Иулиании, и она свято следовала им всю свою жизнь. Ее свекор Василий и свекровь Евдокия были люди известные при царском дворе, богатые, имели множество рабов и несколько благоустроенных поместий; кроме Георгия, их единственного сына, у них было две дочери. Иулиания своим тихим, кротким характером, всегдашней лаской и приветом скоро приобрела любовь не только свекра и свекрови, но даже золовок, которые обычно не ладят с невестками. Полюбили Иулианию даже и дальние родственники Осорьиных и близкие к ним люди. Ее искушали разными вопросами, чтобы разузнать ее характер, но она постоянным приветом и добротой, кроткими и мягкими ответами обезоруживала совопросников и мало-помалу приобрела любовь и даже тех, кто вначале не доверял ей. Так Иулиания заняла самое видное место в семье своего мужа и стала полной хозяйкой дома.

Хлопоты по дому и хозяйству не поглощали всего внимания блаженной Иулиании, не наполняли всю ее душу: рано встав утром или усталая от дневных забот и волнений перед отходом ко сну, она подолгу молилась Богу и клала по сто земных поклонов и больше; к этой постоянной и теплой молитве приучала она и своего мужа. Георгия Осорьина часто призывали на царскую службу в Астрахань и другие дальние места, и он не бывал дома по году, по два или по три. В разлуке с мужем, под влиянием естественной скорби, Иулиания с особенной силой предавалась труду и молитве. Часто целые ночи она молилась, пряла или шила в пальцах; изделия рук своих – пряжу и пяличное шитье – Иулиания продавала и вырученные деньги раздавала нищим; впрочем, как искусная рукодельница, блаженная вышивала пелены, чтобы жертвовать их в храмы. Свои благодеяния совершала она тайно от свекра и свекрови. Милостыню посылала по ночам с верной служанкой, заботилась о вдовах и сиротах, как родная мать, своими руками омывала, кормила, поила и обшивала. Рабам она указывала дело, но была с ними всегда ласкова и кротка, не называла рабов полуименем, а всегда полными христианскими именами. Услуг себе она не требовала от рабов: никто не подавал ей воды на руки, не надевал и не снимал сапог, как то делалось у других дворянок. Если, по обычаю, при гостях ей приходилось пользоваться услугами рабов, то с уходом гостей она каялась и говорила про себя: «Кто я такая, что мне служат люди, создания Божии?» Напротив, она сама всегда была готова услужить другим: наблюдала, чтобы у ее рабов была хорошая пища и пристойная одежда. Но одними заботами о пище и одежде слуг не довольствовалась праведная Иулиания: она старалась, чтобы между ее слугами не было ссор и брани, чтобы в доме царили тишь, да гладь, да Божия благодать. При ссорах рабов между собой Иулиания часто брала вину на себя и тем успокаивала враждующих. При этом она нередко говаривала: «Я часто грешу пред Богом, и Он, Милосердый, прощает мне. Буду терпеть и я грехи моих слуг; хотя они и подвластны мне, но в душе, может быть, лучше меня и чище пред Богом». Никогда она не доносила на проступки рабов ни мужу, ни свекру со свекровью, которые бранили праведницу за излишнюю снисходительность. Когда не хватало ее умения и сил справиться с испорченными слугами и утвердить в доме мир и тишину, она горячо молилась Пресвятой Деве и чудотворцу Николаю, прося их помощи. В одну из таких тяжелых минут Иулиания стала ночью на молитву; бесы же навели на ее душу ужас, и она, в бессилии упавшая на постели, погрузилась в крепкий сон. Во сне она видит, что к ней подошло множество нечистой силы с оружием. «Если не бросишь своих дел, – говорили демоны, – немедленно

погубим тебя». Блаженная Иулиания взмолилась Богоматери и Николаю чудотворцу, и угодник Божий явился с большой книгой и разогнал врагов, которые рассеялись как дым; после того он благословил милостивую Иулианию и сказал: «Дочь моя, мужайся и крепись, и не бойся бесовских козней! Христос повелел мне защищать тебя от бесов и злых людей».

Проснувшись, Иулиания ясно увидела светлого мужа, который вышел в дверь из опочивальни и скрылся. Она бросилась за ним вслед, но засовы и затворы терема оказались все на своих местах. Иулиания поняла, что Господь действительно послал ей небесного защитника, укрепилась в своей вере и надежде на помощь Божию и еще с большим усердием продолжала дела милосердия и любви к ближним.

Настал в Русской земле великий голод, и множество людей умирало от недостатка хлеба. (Это надо думать, голод 1570 г. Историк Карамзин так изображает это ужасное время: «Казалось, земля утратила силу плодородия, сеяли, но не собирали хлеба, и холод и засуха губили жатву. Дороговизна сделалась неслыханная: четверть ржи стоила в Москве 60 алтын, или около 9 серебряных рублей. Бедные толпились на рынках, спрашивали о цене хлеба и вопили в отчаянии. Милостыня оскудела: ее просили и те, которые дотоле и сами питали нищих. Люди скитались, как тени, умирали на улицах и на дорогах. Не было явного возмущения, но были страшные злодейства: голодные тайно убивали и ели друг друга. От изнурения сил, от пищи неестественной родилась прилипчивая смертоносная болезнь в разных местах. Бедствие продолжалось до 1572 г.»). Милостивая Иулиания брала у свекрови пищу себе на завтраки и полдни и тайно раздавала все голодным и нищим. Свекровь удивлялась этому и говорила: «Радуюсь я, что ты стала часто есть, но удивляюсь тому, что переменялся твой обычай: прежде, когда было всего вдоволь, ты не брала еды на утро и на полдник, и я не могла тебя заставить делать это. Теперь же, когда всюду недостача в хлебе, ты берешь и завтраки, и полдни». Блаженная Иулиания, чтобы не открыть своей тайной милостыни, ответила свекрови: «Когда я не рожала детей, мне не хотелось так есть; теперь же я от родов обессилела, и мне хочется есть не только днем, а и по ночам, но я стыжусь просить у тебя пищи на ночь».

Свекровь очень обрадовалась, что невестка стала есть больше, и начала посылать ей пищу и на ночное время. Милостивая Иулиания принимала пищу и все раздавала тайком голодным. Когда умирал кто-нибудь из нищих в окрестности, блаженная Иулиания нанимала обмывать и убирать покойника, покупала саван, давала средства на похороны. Она молилась о душе каждого известного ей или неизвестного, кого хоронили в селе Лазареве.

Вслед за голодом новое бедствие постигло Русь: начался сильный мор на людей от болезни «пострела» (один из видов язвы, может быть, сибирской, или чумы). Пораженные ужасом жители запирались в домах и не пускали к себе заболевших, а также боялись прикасаться к их одежам. Но милостивая Иулиания тайком от свекра и свекрови своими руками мыла в банях больных, лечила их, как умела, и молила Господа Бога об их выздоровлении. А когда кто умирал из сирот и бедняков, она своими же руками обмывала их и нанимала отнести их для погребения.

Свекор и свекровь Иулиании умерли в глубокой старости и, по обычаю наших предков, на смертном одре постриглись в монашество. Мужа Иулиании не было в то время дома: он оставался более трех лет на царской службе в Астрахани. Блаженная Иулиания честно погребла Василия и Евдокию Осорьиных, раздала за упокой их душ щедрую милостыню, заказала по церквам сорокоусты и в течение 40 дней ставила поминальные столы для монахов, священников, вдов, сирот и нищих, а также посылала обильные подаяния по тюрьмам. И после каждый год справляла память умерших свекра и свекрови и много родового имени потратила на это доброе дело.

Блаженная Иулиания жила с мужем мирно и тихо немало лет, и Господь послал ей десять сыновей и три дочери. Из них четыре сына и две дочери умерли еще в младенческом возрасте. Остальных она вырастила и радовалась на детей своих.

Но враг рода человеческого сеял вражду между взрослыми детьми и слугами блаженной, несмотря на все желание ее примирить враждующих. И вот старший сын ее был даже убит рабом; вскоре на царской службе убили и другого ее сына. Горько было материнскому сердцу Иулиании переносить скорби, но она не вопила, не рвала волосы на голове, как делали тогда другие женщины: непрестанная молитва и милостыня подкрепляли ее силы. Скорбел и отец о потере детей, но блаженная утешала его. Под влиянием семейного горя Иулиания стала просить мужа отпустить ее в монастырь и даже заявила, что уйдет тайком, но Георгий указал ей на прекрасные слова Космы пресвитера и других учительных отцов: «Не спасут вас ризы черные, если живем не по-монашески, и не погубят ризы белые, если творим Богу угодное. Если кто уходит в монастырь, не желая заботиться о детях, – не любви Божией ищет, а покоя. Дети же, осиротевши, часто плачут и клянут родителей, говоря: “Зачем, родивши нас, оставили на беду и страдания?” Если велено кормить чужих сирот, следует и своих не морить». Муж праведной Иулиании, человек грамотный, читал ей и другие места из духовных писателей, пока не убедил ее, и она сказала: «Да будет воля Господня!»

После этого супруги стали жить как брат с сестрой: муж спал на прежней постели, а жена с вечера ложилась на печи, подкладывая себе вместо постели дрова ребрами вверх, а под бок железные ключи. Так она погружалась в сон на час или на два. Когда все в доме затихало, блаженная Иулиания вставала на молитву и проводила в ней часто целые ночи, а по утрам отправлялась в храм к заутрене и обедне. Из церкви милостивая Иулиания приходила в дом и занималась хозяйством. По понедельникам и средам блаженная вкушала один раз, по пятницам совсем не принимала пищи и удалялась в отдельную комнату на молитву, устроив у себя дома подобие монастырского затвора. Она позволяла себе выпить одну чашу вина только по субботам, когда кормила духовенство, вдов, сирот и нищих.

Через десять лет по прекращении супружеской жизни умер муж Иулиании. Похоронив и помянув его по обычаю, как свекра и свекровь, милостивая Иулиания вся отдалась служению Богу и ближним. Так как дети сильно горевали об отце, то она, утешая их, говорила: «Не скорбите, чада мои! Смерть отца вашего – назидание нам, грешным; видя ее и постоянно ожидая для себя кончины, будьте добродетельны, больше всего любите друг друга и творите милостыню».

Не только словами поучала других блаженная Иулиания; она старалась и жизнью подражать великим христианским подвижникам, святым женам, о которых читали ей муж и грамотные люди. В свободные от домашних забот минуты блаженная Иулиания становилась на молитву, усиленно постилась. Но больше всего заботилась она о делах милосердия. Часто у нее не оставалось ни одной монеты для раздачи нищим; тогда она брала займы и оделяла бедняков. По зимам она брала у детей деньги себе на одежду, но все раздавала бедным, сама же ходила без теплой одежды и в сапогах на босу ногу. Чтобы подвизаться для Господа и, чувствуя боль, сильнее пламенеть молитвою к Богу, Подателю радости и утешения, она под свои босые ноги в сапог подкладывала битые черепки и ореховую скорлупу и так ходила.

Была необыкновенно холодная зима, так что от мороза даже трескалась земля. Иулиания некоторое время по причине стужи не ходила в церковь, а молилась только дома. Однажды священник села Лазарева пришел ранним утром в храм и услышал голос от иконы Богородицы: «Пойди и скажи милостивой Иулиании, отчего она не ходит в церковь? И ее домашняя молитва угодна Богу, но не так, как церковная. Вы же почитайте ее: уже ей не менее 60 лет, и на ней почивает Дух Святой».

Священник в сильном страхе прибежал к Иулиании, пал к ее ногам, просил простить его и рассказал при всех о бывшем ему явлении. Блаженная сильно опечалилась и сказала священнику: «Ты впал в соблазн, когда так говоришь. Как я, грешница пред Господом, могу быть достойной такого позыва?» И взяла с него клятву и со всех, при ком он сказал, не разглашать о видении ни при жизни ее, ни по смерти. Сама же отправилась в храм,

отслужила молебен пред иконой Богоматери, облобызала ее и слезно молилась пред Заступницей Усердной.

Блаженная прожила во вдовстве девять лет; за это время она раздала бедным почти все свое имущество. Она оставляла дома только самое необходимое и распределяла хозяйственные запасы так, чтобы они из одного года не переходили в другой. Все, что оставалось от годового обихода, она немедленно делила между нищими, сиротами и бедняками.

Настало несчастное царствование Бориса Годунова. Господь наказал Русскую землю необыкновенным голодом: голодающие ели всякую падаль, даже человеческие тела; бесчисленное множество людей умерло от голода. Не стало пищи и в доме Осорьиных, так как посевы не взошли, скот гиб от бескормицы. Блаженная Иулиания молила детей и рабов не брать ничего чужого. Все, что осталось в доме из одежды, скота и посуды, она продала и на полученные деньги купила хлеба, им она кормила своих домочадцев; несмотря на страшную скудость, помогала и беднякам; и никто из них не уходил от нее с пустыми руками. Когда не осталось больше хлеба, милостивая Иулиания не упала духом, но все надежды возложила на помощь Божию. Она вынуждена была переселиться в Нижегородские пределы, в село Вочнево, где оставалась еще хоть какая-нибудь пища. Но скоро и здесь развился голод во всей силе: Иулиания, не имея средств кормить рабов своих, отпустила их на волю. Некоторые воспользовались свободой, а другие остались вместе с своей госпожой терпеть нужду и горе. Оставшимся при ней слугам она приказывала собирать лебеду, сдирать с дерева илем (род вяза) кору и готовить из них хлебы, которыми и питалась сама с детьми и рабами. По ее молитвам хлеб, сделанный из лебеды с корой, оказывался достаточно сладким, и нищие, которых по причине голода было необыкновенно много, толпами приходили за подаванием к милостивой Иулиании. Соседи ее спрашивали нищих: «Зачем вы ходите в дом Иулиании? Она и сама с детьми чуть жива от голода». Бедняки отвечали на это: «Мы ходим по многим селам и иногда получаем чистый хлеб, но не знаем хлеба более сладкого, чем у этой вдовы».

Соседи, имевшие довольно чистого хлеба, посылали просить у Иулиании хлеба из лебеды с корой и убеждались, что он очень сладок. Но объясняли это уменьем рабов Иулиании готовить тесто. Испытывая два года тяжелую нужду, праведная Иулиания не смутилась, не подняла ропота, не пала духом, но была благодушна и радостна, как всегда. Одно огорчало ее, что в Вочневе не было храма, по старости же она не могла посещать храм ближайшего села. Но, вспомнив о Корнилии сотнике, как его домашняя молитва оказалась угодной Богу, блаженная горячо отдалась ей и скоро обрела душевный покой.

26 декабря 1603 года милостивая Иулиания разболелась; шесть дней продолжалась болезнь ее, но она только днем лежала, ночью же вставала без всякой поддержки и молилась. Ее рабыни смеялись над ней, говоря: «Какая это больная! Днем лежит, а ночью встает и молится!» Но блаженная кротко отвечала насмешникам: «Чего же вы смеетесь? Разве вы не знаете, что Господь и от больного требует духовных молитв?»

2 января, на рассвете, милостивая Иулиания призвала своего духовного отца священника Афанасия, причастилась Святых Таин, села на своем одре, призвала к себе детей, слуг и сельчан. Она много поучала стоявших около нее благоугодной жизни и, между прочим, сказала: «Еще в молодости я сильно желала великого Ангельского образа, но не удостоилась его по грехам моим... Но слава праведному суду Божию!»

Она приказала приготовить на свое погребение кадило и положить в него ладану, простилась с детьми, прислугой и знакомыми, выпрямилась на постели, перекрестилась трижды, обвила четки около рук и произнесла последние слова: «Слава Богу за все! В руце Твои, Господи, предаю дух мой!»

Когда почил в Господе блаженная, все видели, как около ее главы образовалось сияние наподобие золотого венца, что пишут на иконах святых. Когда обмыли тело почившей и положили в отдельной клетки, видели ночью горящие свечи (хотя их никто не зажигал) и чувствовали благоухание, которое струилось из комнат, где лежала блаженная. В ночь,

сменившую день успения, милостивая Иулиания явилась одной рабыне и приказала отвезти себя из Вочнева в Муромские пределы и положить в церкви праведного Лазаря возле мужа. Многотрудное тело блаженной положили в дубовый гроб, отвезли в село Лазарево, в четырех верстах от Мурома, и погребли 10 января 1604 г.

Позднее над могилой милостивой Иулиании ее дети и родные воздвигли теплую церковь во имя Архистратига Михаила. Когда 8 августа 1614 года умер сын блаженной Георгий, и в усыпальнице Осорьиных, под церковью, стали готовить место для его погребения, нашли гроб милостивой Иулиании невредимым, но не знали, чей он. 10 августа, по совершении отпевания над Георгием, когда участники обряда пошли в дом Осорьиных помянуть почившего, любопытные женщины села открыли гроб и увидели, что он полон благовонного мира. После того, как гости ушли с поминовения, женщины объявили о виденном ими семье Осорьиных; дети милостивой Иулиании пришли ко гробу и увидели то же, что и женщины. В благоговейном страхе они набрали в небольшой сосудец мира и отвезли его в муромскую соборную церковь, вероятно, для освидетельствования; и было оно днем подобно свекольному квасу, а ночью становилось густым и походило на масло багряного цвета. Но всего тела милостивой Иулиании от ужаса не могли досмотреть: видели только, что невредимы ноги и бедра ее; главы не видали потому, что на крышку гроба налегло бревно, поддерживавшее церковную печь. В ту же ночь многие слышали звон в церкви праведного Лазаря и прибежали к храму, думая, что бьют в набат, но пожара никакого не было. Прибежавшие чувствовали, как от гроба исходит благовоние. Молва об этом событии быстро разнеслась по окрестностям; многие приходили ко гробу, мазали себя миром и получали исцеление от разных болезней.

Когда миро все было разобрано, больные начали брать песок из-под гроба милостивой Иулиании, обтирались им и по вере своей получали облегчение в нуждах. Так, муромский гражданин Иеремия Червев прибыл ко гробу милостивой Иулиании с женой и двумя больными детьми: у сына Андрея и дочери из рук, ног и локтей текла более двух лет кровь, и они не могли даже поднести руки ко рту. Отпев молебен и панихиду у гроба Иулиании и отерши детей песком, родители вернулись домой; их дети проспали весь день и ночь, по пробуждении могли свободно креститься, а через неделю совсем выздоровели.

Крестьянин из деревни Макаровой страшно болел зубами и долго не мог ни есть, ни пить, ни работать. По совету жены он один в полдень пришел ко гробу милостивой Иулиании, помолился блаженной, вытер песком зубы и вернулся домой здоровым.

Ночью в селе Лазарево пожар охватил четыре избы, крытых соломой; дул необыкновенно сильный ветер, и уже огонь начал приближаться к церкви. Священник вбежал в храм, торопливо нахватал в обе руки земли из-под гроба Иулиании и стал бросать в огонь. Тогда ветер переменялся, пожар начал мало-помалу утихать и наконец совершенно прекратился.

Крестьянин из деревни Коледина, по имени Климент, имел на ноге язву, под названием «пострел», от которой многие умирали. Больной, наслышавшись о чудесах Иулиании, велел отвезти себя к ее гробу, совершил молебен, отер песком язву и скоро выздоровел.

Жившая в Муроме на посаде раба боярина Матфея Черкасова, именем Мария, ослепла. Ее привели к раке Иулиании, отслужили молебен и панихиду, и она почувствовала себя зрячей, так что на возвратном пути уже могла собирать грибы и ягоды.

Один 10-летний отрок впал в расслабление и ослеп. Его принесли к церкви Архангела Михаила, совершили молебен у гроба праведной Иулиании, и больной вдруг увидел горящую свечу, а спустя немного времени и совсем прозрел.

У Агафии, жены Феодора, служившего при церкви Архангела Михаила клириком, отнялась рука, так что больная не могла и двинуть ею. Несчастной явилась во сне милостивая Иулиания и сказала: «Иди в церковь Архангела Михаила и приложись к иконе Иулиании». Затем назвала место, где лежат у больной две монеты, и велела ей отдать их священнику, чтобы приложил к иконе. Больная исполнила все, отслужила молебен и панихиду, испила святой воды, отерлась песком и исцелилась.

Московский дворянин Иосиф Ковков был страшно болен и уже не чаял остаться в живых. Тогда ему пришло на мысль послать своего слугу Аникия к раке праведной Иулиании: слуга совершил молебен за здоровье болящего господина, взял святой воды и песку, и когда Ковков окропил себя принесенной водой и отер песком, тотчас выздоровел. Исцеленный пешком из Москвы пришел в село Лазарево возблагодарить милостивую Иулианию за дарование здравия и пожертвовал в храм Архангела Михаила священнические ризы.

8 мая 1649 г. женщина из Вязниковской области Елена Васильева во молодых годах стала слепой и ходила ко многим чудотворцам и святым местам с мольбой об исцелении. Наконец, ей пришло на мысль пойти в село Лазарево и приложиться ко гробу милостивой Иулиании. Отслужив молебен, больная начала видеть; она пробыла в Муроме два года и неустанно приходила молиться к мощам милостивой Иулиании во дни ее памяти и погребения.

Иное жизнеописание праведной Иулиании Лазаревской, Муромской

Жизнеописание святой Иулиании Лазаревской написано ее сыном. Это единственное сохранившееся подробное описание жизни святой, восполняющее сторицей недостаточность сведений о других.

Родилась Иулиания в 30-е годы XVI в. в г. Плосне у благочестивых дворян Иустина и Стефаниды Недюревых. Шести лет она осталась круглой сиротой. Бабушка с материнской стороны взяла девочку к себе в город Муром. Через 6 лет умерла и бабушка, завещав своей дочери, уже имевшей 9 детей, взять на воспитание 12-летнюю сироту.

Иулиания пользовалась любой возможностью помочь другим. Она избегала детских игр и забав, предпочитая пост, молитву и рукоделие, чем вызывала постоянные насмешки сестер и слуг. Она привыкла подолгу молиться со множеством поклонов. Кроме обычных постов, налагала на себя еще более строгое воздержание. Родственники были недовольны, боялись за ее здоровье и красоту. Иулиания терпеливо и кротко переносила упреки, но продолжала свой подвиг. Ночами Иулиания шила, чтобы одевать сирот, вдов и нуждающихся, ходила ухаживать за больными, кормила их.

Слава о ее добродетелях и благочестии разнеслась по окрестностям. К ней посватался владелец села Лазарево, что неподалеку от Мурома, Юрий Осорьин. Шестнадцатилетняя Иулиания была выдана замуж за него и стала жить в семье мужа. Родители и родственники мужа полюбили кроткую и приветливую невестку и вскоре поручили ей ведение хозяйства всей многочисленной семьи. Она окружила старость родителей мужа неусыпной заботой и лаской. Дом вела образцово, вставала с зарей, ложилась спать последней.

Домашние заботы не прервали духовного подвига Иулиании. Каждую ночь она вставала на молитву со множеством поклонов. Не имея права распоряжаться имуществом, всякую свободную минуту и многие ночные часы занималась рукоделием, чтобы на полученные средства творить дела милосердия. Искусно вышитые пелены Иулиания дарила в храмы, а остальную работу продавала, чтобы деньги раздать нищим. Благodeяния она совершала тайно от родных, а милостыню посылала по ночам с верной служанкой. Особенно заботилась она о вдовах и сиротах. Целые семьи кормила и одевала Иулиания трудами рук своих.

Имея множество слуг и дворни, она не позволяла одевать и разувать себя, подавать воду для умывания; была со слугами неизменно приветлива, никогда не доносила мужу об их поступках, предпочитая брать вину на себя.

Бесы пригрозили Иулиании во сне, что погубят ее, если она не прекратит благодеяний людям. Но Иулиания не обратила внимания на эти угрозы. Она не могла проходить мимо человеческого страдания: помочь, порадовать, утешить – было потребностью ее сердца. Когда наступило голодное время, и множество людей умирало от истощения, она, вопреки обычаю, стала брать у свекрови значительно больше пищи и тайно раздавала голодным. К

голоду присоединилась эпидемия, люди запирались в домах, боясь заразиться, а Иулиания тайком от родных мыла в бане больных, лечила их, как умела, молилась об их выздоровлении. Тех, кто умирал, она обмывала и нанимала людей для погребения, молилась об упокоении каждого человека. Будучи неграмотной, Иулиания изъясняла Евангельские тексты и духовные книги. И мужа своего она приучила к частой и теплой молитве. Свекор и свекровь ее умерли в глубокой старости, приняв перед кончиной постриг. Иулиания прожила с мужем в согласии и любви много лет, родила десять сыновей и трех дочерей. Четверо сыновей и три дочери умерли в младенчестве, а два сына погибли на царской службе. Преодолевая скорбь сердца, Иулиания так говорила о смерти детей: «Бог дал, Бог и взял. Ничтоже искуса греховна не сотвори, и души их со Ангелы славят Бога и о родителях своих Бога молят».

После трагической смерти двух сыновей Иулиания стала проситься отпустить ее в монастырь. Но муж ответил на это, что она должна воспитать и вырастить остальных детей. Всю жизнь Иулиания забывала себя ради других, поэтому и на этот раз она согласилась, но упростила мужа, чтобы им не иметь супружеских отношений и жить как брат с сестрой. Это был рубеж в жизни праведной Иулиании. Она еще более увеличила свои подвиги и стала вести монашескую жизнь. Днем и вечером она занималась хозяйством и воспитанием детей, а ночами молилась, делала множество поклонов, сократив сон до двух-трех часов; спала на полу, положив под голову поленья вместо подушки, ежедневно посещала богослужения в храме, держала строгий пост. Жизнь ее стала непрестанной молитвой и служением.

По болезни и усталости Иулиания одно время перестала часто ходить в храм, увеличив домашнюю молитву. Она была прихожанкой церкви святого Лазаря – брата святых Марфы и Марии. Священник этой церкви услышал в храме голос от иконы Божией Матери: «Пойди и скажи милостивой Иулиании, отчего она не ходит в церковь? И домашняя ее молитва угодна Богу, но не так, как церковная. Вы же почитайте ее, ей уже 60 лет, и на ней почивает Дух Святой». После смерти мужа Иулиания раздала свое имущество бедным, лишив себя даже теплой одежды. Она стала еще более строгой к себе; постоянно, даже во сне творила Иисусову молитву. Чем суровее становились подвиги Иулиании, тем сильнее были нападения на нее духов злобы, не желавших признать своего поражения. Однажды, – повествует ее сын, – Иулиания, придя в маленькую комнату, подверглась нападению бесов, угрожавших убить ее, если она не оставит своих подвигов. Она не устрашилась, а только взмолилась Богу и просила послать святителя Николая на помощь. В то же время явился ей святитель Николай с палицей в руке и прогнал духов нечистых. Бесы исчезли, но один из них, угрожая подвижнице, предрек ей, что в старости она сама начнет «голодом помирать, нежели чужих людей кормить».

Угроза беса исполнилась лишь отчасти – Иулиании действительно пришлось страдать от голода. Но ее любящее и сострадательное сердце не могло оставить умирающих от голода без помощи. Это было в страшные годы (1601–1603), в царствование Бориса Годунова. Люди, обезумевшие от голода, ели даже человеческое мясо.

С полей своих Иулиания не собрала ни зерна, запасов не было, скот пал почти весь от бескормицы. Иулиания не отчаялась: распродала оставшийся скот и все ценное в доме. Жила в нищете, не в чем было в церковь выйти, но «ни едина нища... не отпусти тща». Когда все средства истощились, Иулиания отпустила на волю своих холопов (и это в XVI веке!), но некоторые из слуг не пожелали оставить госпожу, предпочитая погибнуть вместе с ней. Тогда Иулиания со свойственной ей энергией принялась спасать близких от голодной смерти. Она научила своих слуг собирать лебеду и древесную кору, из которых пекла хлеб и кормила им детей, слуг и нищих. «Окрестные помещики с упреком говорили нищим: зачем вы заходите к ней? Чего взять с нее? Она и сама помирает с голоду. – А мы вот что скажем, – говорили нищие, – много обошли мы сел, где нам подавали настоящий хлеб, да и он не елся нам так всласть, как хлеб этой вдовы... Тогда соседи-помещики начали подсылать к Ульяне за ее диковинным хлебом. Отведав его, они находили, что нищие были правы, и с удивлением говорили меж себя: мастера же ее холопы хлебы печь! С какой

любовию надобно подавать нищему ломоть хлеба,... чтобы этот ломоть становился предметом поэтической легенды тотчас, как был съедает!»

Иулиании приходилось бороться не только с опасностью смерти, спасая своих слуг и близких, но и с еще более страшной опасностью духовной гибели. Ужасна власть голода. Чтобы добыть пищи, люди шли на любое преступление. Иулиания любила своих слуг и считала себя ответственной за их души, которые по ее словам, «были поручены ей Богом». Как воин на поле битвы, она непрестанно боролась со злом, и так сильна была ее молитва и влияние на окружающих, что ни один из близких ей людей не запятнал себя преступлением, во время общей разнузданности это было настоящим чудом.

От нее не слышали ни слова ропота, печали, напротив, все три голодных года она была в особом приподнятом и радостном настроении: «Ни опечалися, ни смутися, ни поропта, но паче первых лет весела бе», – пишет ее сын.

Перед кончиной Иулиания призналась, что давно желала Ангельского образа, но «не сподобилась ради грехов своих». Она попросила у всех прощения, дала последние наставления, поцеловала всех, обернула вокруг руки четки, трижды перекрестилась, и последними ее словами были: «Слава Богу за все! В руки Твои, Господи, предаю дух мой». Присутствовавшие при кончине видели, как вокруг головы ее появилось сияние в виде золотого венца «яко же на иконах пишется». Произошло это 10 января 1604 года.

Явившись во сне благочестивой служанке, Иулиания повелела отвезти свое тело в Муромскую землю и положить в церкви святого праведного Лазаря. В 1614 году, когда копали землю рядом с могилой Иулиании для ее умершего сына Георгия, были обретыены мощи святой. Они источали миро, от которого шло благоухание, и многие получали исцеления от болезней – особенно больные дети.

Чудеса на могиле праведницы свидетельствовали, что Господь прославил смиренную рабу свою. В том же 1614 г. святая праведная Иулиания была причислена к лику святых.

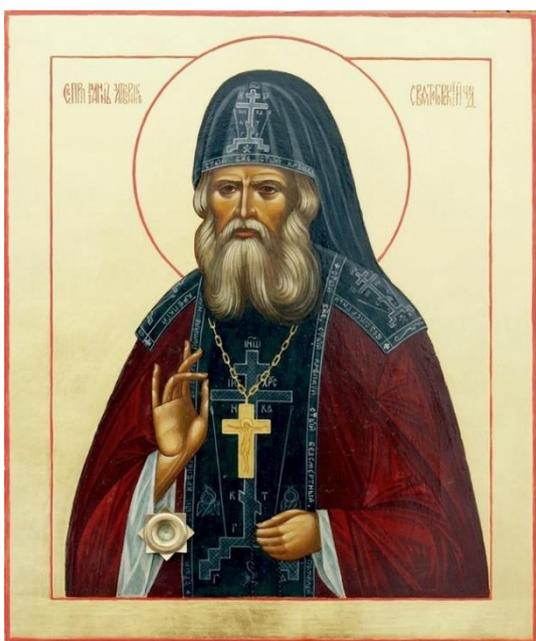
Кроме жития святой, в XVII веке была написана служба, составление которой приписывается ее сыну Дружине Осорьину. На иконе второй половины XVII века «Собор Муромских святых» святая Иулиания изображена вместе со святыми Петром и Февронией, князьями Константином, Михаилом и Феодором Муромскими. В Муромском музее есть икона, на которой святая Иулиания изображена вместе со своим мужем Георгием и дочерью, инокиней Феодосией, ставшей местночтимой святой.

С XVIII века фамилия святой Иулиании – Осорьина писалась как Осоргина. В роде Осоргиных старшего сына всегда называли Георгием в память предка. Род святой Иулиании не угас – ее потомки оставили свой след в истории России. Один из них, Георгий Михайлович Осоргин, был расстрелян на Соловках – это описано у Солженицына в «Архипелаге ГУЛАГ». В Париже живет Николай Михайлович Осоргин – профессор Православного богословского института, автор ряда книг, он же регент Сергиевского подворья, основанного его дедом в Париже. На подворье есть икона святой праведной Иулиании Лазаревской.

Храм Архангела Михаила в селе Лазарево, где находились мощи святой Иулиании (в четырех верстах от Мурома), был закрыт в 1930 году. Рака с мощами, перенесенная в Муромский краеведческий музей, стояла рядом с мощами святых Петра и Февронии Муромских. В год тысячелетия Крещения Руси начались хлопоты о возвращении мощей в православный храм Мурома. Некоторое время мощи святой праведной Иулиании Лазаревской почивали в храме Благовещения Пресвятой Богородицы бывшего Благовещенского монастыря города Мурома. С 23 августа 2014 года мощи святой Иулиании находятся на месте их первоначального упокоения – в храме Архангела Михаила села Лазарево.

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-iulianija-lazarevskaja>

Преподобный Иоанн Святогорский (Донецкий), затворник, иеросхимонах

Дни памяти

1 августа - Собор Курских святых

24 августа

Прп. Иоанн Святогорский (в миру Иван Крюков, 1795–1867) родился в Курске, в 38 лет поступил в Глинскую пустынь, где принял постриг. Позже перешел в Святогорскую обитель, где прославился как усердный эконо. В 1850 году ушел в затвор в меловой пещере, где 17 лет подвизался в строгом посте и молитве, перенося холод, сырость и насмешки братии. За дар прозорливости и чудотворений его почитали еще при жизни. Мощи святого хранятся в Святогорской лавре.

Житие написано современником Иоанна Затворника, Андреем Ковалевским

Родиной затворника был город Курск, родители его были небогатые мещане по фамилии Крюковы. Родился он 20 сентября 1795 года и при святом крещении наименован Иоанном. Тихо и безвестно пришло его детство в семье родной, среди трудов и лишений. С семилетнего возраста уже ощущалась в нём потребность спасти душу. Однажды собрались на улице дети-подростки, в числе которых находился и Иван Крюков, будущий затворник. Один из сверстников его, Семён Мошнин, начал рассказывать о своём деде, который жил в монастыре и спасался в затворе.

Рассказ глубоко запал в душу Крюкова, он несколько раз принимался расспрашивать своего товарища о жизни и подвигах его дедушки, восклицая, «Ох, как хорошо жить, жить и спастись!» С этого момента мысль о монашестве составляла заветную мечту мальчика, спасти душу было его желанием ещё в столь ранние годы. Не достигнув ещё девятилетнего возраста, начал он просить родителей отдать его в обучение грамоте, но просьбе этой суждено было испытать суровый отказ. Угнетённые бедностью родители находили излишним желание сына – видели в нём стремление к праздности. Вместо школы его отдали в научение работать печные изразцы к хозяину строгому и суровому, с которым заключили форменное условие на бумаге. Условием этим мальчик отдавался на 7 лет в полное распоряжение хозяина – мастера, который обязывался в течении этого времени выучить его делать печные изразцы, расписывать их, муравить и выжигать, родителям же его уплачивать за него ежегодно 1 рубль 43 копейки ассигнациями, что в течении 7 лет составит с небольшим 10 рублей ассигнациями.

Но несладка пошла жизнь мальчику в доме печника, который имел весьма строгий и взыскательный нрав, и часто награждал своих учеников жёсткими побоями, притом, по большей части, безвинно единственно по своей строптивости и раздражительности. Ивану Крюкову с самого начала довелось испытать его жестокость – с первого раза хозяин заставил его крошить и растирать в ладони масляные выжимки, не показав при этом, как это делать. Мальчик крошил выжимки, но не растирал их. Между тем хозяин отлучился из дома. Возвратившись домой в сопровождении одного из своих товарищей, хозяин озлился на мальчика и сильно ударил его ногою под правый бок. Удар был так чувствителен, что сидевший на земле мальчик повалился навзничь и лишился чувств. Товарищ хозяина начал

его упрекать за столь жестокое обращение с ребёнком, и поспешил вынести его на чистый воздух. После этого Иван ещё долго чувствовал боль в бедре.

Однажды Ваня чуть не поплатился жизнью от жестокости хозяина. Мастерская, где выделывались изразцы, была весьма неопрятна и темна, печь топилась без трубы, отчего по избе всегда расстилался едкий, режущий глаза дым. Выработанные изразцы ставились обыкновенно на верхние полки. Когда же приходило время топить печь, то их ставили на нижние полки. Однажды, занимаясь этим перемещением изразцов, Крюков не усмотрел одного изразца, оставшегося при топке печи на верхней полке, где он от жару и дыму растрескался и испортился. Увидев это, хозяин сильно начал бранить мальчика, и схватив в азарте испортившийся изразец, бросил его в мальчика острым углом, который нанёс ему сильный удар в левый бок напротив сердца. Кровь хлынула изо рта Крюкова, и он опять замертво повалился на пол, посинел и похолодел, так что сам хозяин уже перепугался, вынес его на свет, и долго растирал ему голову. Заметив в нём признаки жизни, он очень обрадовался, внёс обратно в избу, говоря, что не на шутку перепугался. Нужно заметить, что испорченный изразец стоил в то время всего 1 копейку, ради которой безрассудный мастер чуть не лишил жизни человека.

Вообще тихий, безответный и беззащитный Крюков служил для него постоянным предметом нападок, озлобился ли хозяин на жену и детей, злость вымещал на малолетнем работнике, на которого сыпались брань и удары.

Семь лет провёл таким образом Крюков в плаче и слезах, терпел и крепился духом, утешаясь надеждой на Бога и лучшие времена. «Богу так угодно, нужно терпеть – часто говаривал он сам себе – авось всё пройдёт, будет житиё получше». К исходу семилетнего срока хозяин его обеднел, оставил работать изразцы, и работал только мелкую глиняную посуду, которую продавал на базарах. Крюков работал вместе с ним до урочного срока. По истечению срока, видя жестокость и несправедливость хозяина, не желавшего научить его в совершенстве ремеслу, оставил он его и поступил к другому мастеру, сперва на 54 рубля, а потом на 100 рублей в год.

Прожив у нового хозяина два года, Крюков пожелал оставить изразцовое ремесло и поступил приказчиком к одному торговцу скотом с жалованием в 100 рублей в год, но вскоре другой торговец начал через родителей Крюкова переманивать его к себе на жалование в 200 рублей в год. Родители настояли, чтобы он принял это приглашение, и волей-неволей, Иван был вынужден прежде срока оставить прежнего хозяина и поступить к новому. Это было не совсем по нраву, но бедность родителей, видевших в нём единственную поддержку заставила его поступить по их желанию.

Вскоре родители начали предлагать ему вступить в брак, предложение это весьма опечалило целомудренного юношу, лелеявшего мечту о монашеской жизни. Но положение престарелых родителей, выдавших дочерей в замужество и оставшихся в одиночестве понудило доброго и послушного сына вступить в брак.

Вскоре умер торговец, у которого Крюков состоял приказчиком; сын же покойного повёл торговлю неисправно, так что большая часть приказчиков, в том числе и Крюков, от него отошли. В это время Крюков познакомился с подрядчиком – мастером изразцовых печей, имевшем большую мастерскую, и бравшем подряды на поставку печей по новым рисункам, убранных затейливою лепною работою, которая в то время очень ценилась, и производилась самыми искусными мастерами.

Новый знакомец убедил Крюкова оставить занятие торговлею и взяться за прежнее изразцовое мастерство. Поступив к нему в мастерскую, Крюков сделался одним из первых в ней мастеров. К этому послужил следующий случай: хозяин заведения получил заказ по очень сложному затейливому рисунку. Затрудняясь найти мастера к исполнению этой работы он нарочно выписал своего сына, обучавшегося в Москве лепному искусству. Для образца была сделана одна печь, оказавшаяся далеко не подходящей к нужному рисунку. Видя это, Крюков без ведома хозяина начал сам мастерить печь, и его печь вышла гораздо лучше печи, сделанной хозяйским сыном. Обе печи, поставленные рядом, показаны были

хозяину; он очень обрадовался, увидев сделанную Крюковым печь, а сына своего жестоко избил, поставив ему в укор, что простой изразцовый мастер превзошёл его, учёного лепщика. С тех пор, в течении восьми лет, Крюков заправлял у него в заведении производством подобных печей, получая в год по 600 рублей жалования и пользуясь полным доверием и любовью своего хозяина. По истечении восьми лет Крюков открыл отдельно от хозяина фабрику изразцовых лепных печей и других подобных произведений, исполняя значительные подряды по этой части и получая весьма хороший приработок. Кроме того, имел он два постоянных двора для проезжающих и гостиницу, которые приносили ему порядочный доход.

Таким образом вёл он свои дела в отличном порядке 9 лет. Во всё это время он отличался трезвою и благочестивою жизнью, любил посещать храмы Божии и всегда памятовал прежнее своё желание посвятить себя подвигам монашества. И вот пришло то время, когда промыслом Божиим Желанию этому суждено было осуществиться – супруга его умерла, он остался бездетен, вскоре похоронил он престарелого своего родителя, после которого на попечении его осталась одна болезненная старуха – мать.

Сёстры его были в замужестве и жили отдельно, к ним желал он приютить мать, обеспечив её средствами к жизни, сам же немедленно оставил суету мирскую и удалился в монастырь. Но не без препятствия был и на сей раз порыв пламенного желания его работать единому Богу; сначала старуха – мать решительно объявила ему, что пока жива – не отпустит его в монастырь. Мать пожаловалась одному знакомому помещику на желание сына удалиться в обитель. Расспросив подробно её о всех обстоятельствах жизни ея сына, помещик прямо сказал, что ей предстоит теперь исправить прежнюю ошибку и не задерживать сына. Слова эти имели заметное влияние на старуху, она начала размышлять об участи сына, поплакала за него, и сказала: «Бог с тобою, отпущу я тебя в монастырь, иди с Богом и молись там за меня».

Мать его имела довольно количество икон в своём доме, из которых иные были украшены резными и золочёнными ризами – и говорит она ему: «Какую из икон дать тебе на благословение, сынок?» Минувя дорогие, богато украшенные иконы, сын избрал в благословение себе медный литой крест, которым и благословила его мать.

Крест этот был с тех пор неизменным спутником его жизни: он носил его на груди всегда, на толстой и железной цепи. Нужно сказать, что в то же время он сделал себе из толстого шинного железа вериги, состоявшие из пояса и наплечников, весивших около полпуда, которые, возложив на себя для усмирения своей плоти, носил затем постоянно.

После получения родительского согласия и благословения на поступление в монашество, Крюкову предстояло ещё испросить на это разрешение Курского мещанского общества и закончить подряды и расчёты по ним. Уплатив обществу все положенные платежи и взыскания, он не замедлил получить от него увольнительную бумагу.

В деле ж с подрядами его задерживали хозяева, с коими он имел расчёты. Услышав о намерении Крюкова идти в монастырь, многие из прежних его заказчиков уклонились от должных ему платежей, и даже пред судом, поправ совесть, в глаза говорили ему, что ему не должны. «А если вы не должны, – ответил им Крюков, – то Бог с вами, Бог в милостыню сие от меня да примет, вам же чужое впрок не пойдёт, отчего же вы прежде этого мне прямо не сказали, а только время проводили, обнадёживая меня уплатою?». Таким образом, около тысячи рублей пропало у Крюкова, но прискорбнее для него было то, что целых полтора года задерживали его эти дела среди суеты мирской.

Наконец, увидел он себя совершенно свободным, и возложившись на Господа, оставил навсегда свой дом 1833 года 30 июня, имея от роду 38 лет и 5 месяцев...

С посохом странника направился он сперва в Киев, помолиться и поклониться святым мощам Киево-Печерских чудотворцев, поговел в лавре Печерской, и решил избрать местом подвигов своих Глинскую Богородицкую пустынь Курской епархии, куда отправился он из Киева, усердно моля Господа устроить во спасение ему путь.

Прибыв в Глинскую пустынь, Крюков очень пленился ее уединением среди лесной чащи. Вместе с ним зашли в обитель другие курские богомольцы, шедшие с ним в Киев и обратно, в том числе и одна из его сестёр. Видя внешнее смиренное и небогатое устройство пустыни, они начали отклонять Крюкова от поступления в небогатый монастырь, где труды послушников будут сопряжены с большею тяжестью, чем в других, более обеспеченных монастырях. В гостинице монашеской, где они остановились, опасения эти нашли поддержку в рассказе одного инока Глинской пустыни. Он сообщил, что глинские монахи и ныне нуждаются в хлебе, и вероятно многих из братии игумен вынужден будет выслать из монастыря. Рассказ этот поверг в скорбь и уныние Крюкова, ему не страшны были недостатки в пропитании, а страшило то, что водворившись в обитель, будет вынужден выйти помимо своей воли. Чистосердечно рассказал он своё намерение и свои опасения иноку, заведовавшему монастырской гостиницей. Осведомившись о имени и наружности монаха, который смутил Крюкова своими рассказами, гостинник сказал, что монах этот сам расстроен по действию вражью и других в монастыре расстраивает своими вымышленными рассказами, которым не следует верить. Затем советовал просить настоятеля о зачислении в число братии. Успокоенный и обрадованный Крюков проводил сестру и спутников своих, а сам остался в Глинской пустыни, живя пока в гостинице до требования от игумена.

Вскоре он был позван к игумену Филарету, в келию его вошёл он не без трепета и благоволения, и как бы готовясь предстать пред лице Божие.

– «Что же пришёл ты к нам, раб Божий, и что тебе нужно?» – спрашивал игумен.

– «Желаю в обители вашей потрудиться во спасение грешной моей души», – смиренно отвечал ему Крюков.

– «На какое время?» – ещё спросил игумен.

– «Если Богу будет угодно, то по конец моей жизни».

– «Хорошо» – сказал игумен и начал расспрашивать его о звании, местожительстве, отпущен ли обществом и имеет ли о том бумагу. Получив удовлетворительные на всё ответы, осведомился, чем занимался в мире, и к какой работе и послушанию более способен.

Крюков сообщил, что в миру имел свою фабрику, выделял изразцы и лепные печи, кроме того, имел гостиницу и постоянные дворы.

– «Всё это нам не нужно – сказал старик Филарет – а вот сумеешь ли ты печку скласть? Это нам нужно».

Хотя работа эта и не была Крюкову хорошо известна, но он видел её производство, и не желая отказываться от труда, сказал, что не ручается за хорошее устройство новой печки, но старую починить может. «Если починить можешь, то Матерь Божия поможет тебе и новую скласть» – сказал набожный Филарет, и взяв к себе его увольнительную бумагу определил его сначала в гостиницу монастырскую помогать гостиннику. Было это 26 августа 1833 года. В таком послушании пробыл он полтора года. Затем перевели его в монастырь и дали особую келию. В то время хорошие нанятые печники перекладывали печи в зимней церкви Глинской пустыни. Иоанну Крюкову благословенно было прислуживать им в работе и вместе с тем присматриваться к ней. Он научился печному ремеслу, высмотрел, как делаются печные обороты, но решил сначала использовать своё умение на своей келье, которая была угарна и часто дымила. Опыт оказался удачен, и потом он стал класть печи в келиях братии. Ему даны были в помощь послушники молодые, которые часто менялись, и причиняли ему много хлопот и скорбей, ибо за неисправность их приходилось пред монастырским начальством отвечать ему одному. По случаю перестройки монастырского подворья в городе Глухове, как печного мастера послал его игумен туда на целый месяц, и памятно было ему это время, по причине тоски и скуки, коими искушался он вне врат монастыря, среди мирской суеты.

С самого поступления в монастырь отличался он особым простосердечием, простотою в обхождении и искренностью в словах, был он усерден и неутомим в молитве. В келии

своей всё свободное от работы время дня и значительную часть ночи посвящал молитвам, сопровождая их многочисленными земными поклонами.

Вскоре по приезде с послушания из Глухова, Иоанн увидел большое стечение народа у святых ворот обители, привлечённого туда одним больным, одержимым духом нечистым, который в страшных конвульсиях, с пеной у рта изрыгал богохульства и никак не хотел идти в церковь, куда силою влекли его пять человек присных. Состояние больного тронуло Иоанна, он подошёл к нему безбоязненно, взял за руку, начал уговаривать успокоиться, что подействовало на больного, который присмирел. Иоанн попросил сопровождавших больного сродников свести больного в его келию и оставить там полежать, а самим советовал идти в церковь на бдение. Сродники не решались оставить беспокойного больного, но Иоанн обещал присмотреть за ним во время их отсутствия. Таким образом, больного повели к его келье, дорога к которой проходила мимо келии духовника братского, случившагося в тот момент на пороге своей кельи.

– «Куда ведёшь ты больного, неравно что случится, ведь он не в своём уме?» – спросил духовник.

Взяв у него благословение, Иоанн сказал с простотою, ему свойственную: «Авось Господь поможет, ничего недоброго не случится», и повёл больного к своей келии, которая была при ограде монастырской, в башне, имела всего одно окно и теснотою своею более походила на тюремное заключение. Больной из предосторожности был скован по рукам и ногам, оковы эти немедленно снял с него Иоанн, несмотря на все предостережения своих спутников, которых всех отослал в церковь, а сам остался в келье, затворившись в ней вместе с ослабевшим, бесчувственно лежавшим на полу больным, и начал со слезами и земными поклонами молить Бога о его исцелении. До полуночи продолжал он свою молитву, во всё время больной не делал ни движения и похож был на умирающего. Окончив молитву, Иоанн прилёг на полу подле больного и положил свою руку ему на сердце, которое страшно билось и трепетало. Больной как бы заснул, забылся дремотою и Иоанн, и так время прошло до утра. На утро больной встал совершенно здоровым, осмысленно отвечал на все вопросы, сам пожелал отправиться в церковь, где беспрепятственно выстоял литургию, и отправился затем из монастыря совершенно исцелившимся от своего недуга. Иоанн не превознёсся этим во вред себе, он просто, чисто по-детски отнёсся к этому событию, как к обыкновенному, не выходящему за пределы других событий его жизни, всецело преданной и посвящённой Господу, хранившему его от искушений гордостью.

Он по-прежнему проходил некоторое время послушание печника, по-прежнему испытывал немало скорбей от помощников своих – молодых послушников. Труды его ценил игумен Филарет, он возвёл Иоанна в первую степень монашества – рясофор, и относился к нему с благоволением, как к доброму труженику. Тем не менее, нарекания братии за неудачно сложенные печи убедили его желать перемены послушания.

Однажды вечером, в раздумье шёл он к себе в келию, обсуждая мысленно, как достигнуть желаемой перемены. Проходя мимо большого дерева, стоявшего на его пути в ограде монастырской, имевшего очень развесистые ветви, ему внезапно явилась мысль юродствовать Христа ради и подвиг юродства начать с того, чтобы взобраться на ветви этого дерева и там поселиться наподобие птиц, пребывая там в непрестанной молитве. Он начал обдумывать, каким образом начать этот нелёгкий, многоскорбный подвиг, и зайдя в келию и начал со слезами молиться Господу, взывая: «Управи, Господи, путь мой во спасение, укажи мне истинный путь спасения, наставь меня тёмного, как мне душу спасти?». Долго молился он и плакал, затем лёг на койку, заснул, и снится ему, будто келья его ярко освещена лампадою, пришли к нему двое прекрасных юноши в белых одеждах, приподняли с койки, наложили светлую священническую ризу и сказали: «Оставь мысль о юродстве, это не твой путь», а затем стали невидимы.

Духовник тоже признал сон Иоанна знаменательным. Узнав, что он неграмотный, благословил его учиться грамоте и дал для этого свой псалтырь славянской печати. Иоанн,

сметливый и понятливый от природы, скоро приобвык к грамоте, начал читать церковную и гражданскую печать и даже скоропись, а впоследствии научился несколько и писать.

Потрудившись 4 года в послушании печной работы, он был назначен игуменом в трапезу братскую, каково послушание проходил полтора года. В это время повторился случай исцеления бесноватого по его молитве. Больной был из дворянского сословия. Иоанн взял его к себе в келию, долго молился о его исцелении и на утро отпустил от себя в здравом уме, без признаков пережитого недуга. Делал он это единственно из сострадания к больному, и когда больной стал его благодарить, просил указать его своё имя, то он от благодарности уклонился, посоветовав Бога благодарить, а не его.

После трапезного послушания игумен назначил его экономом и в 1840 году 22-го июня постриг его в совершенный сан иночества – в мантию, наименовав Иоанникием. В должности эконома пробыл он в Глинской пустыни 5 лет, до самого переселения своего в Святогорскую пустынь, управляя монастырскою экономией с немалой пользой для обители. 11 лет провёл он в Глинской пустыни, преуспел в ней духовно, приобрёл навык к великим подвигам и трудам, и как воин Христов перешёл в Святые Горы обновить древние подвиги тамошних прежних подвижников.

В Харьковской епархии, на лесном гористом берегу Донца, у подошвы чудной меловой скалы, отвесным конусом выступающей из лесной чащи, и отражающейся в зеркальной поверхности вод, в одной из лучших по красоте местностей Украины, существовала древняя, некогда знаменитая обитель Святогорская, упразднённая в 1788 году. После упразднения обители на её месте остались – прежняя каменная соборная церковь Успения, стоявшая у подножия скалы, каменная церковь Святителя Николая, стоявшая на самой вершине скалы, ветхая каменная колокольня с святыми воротами и два-три деревянных домика, где помещались священник и причётники, отправляющие службу в церквях прежнего монастыря.

1844 года, 20-го апреля прибыло 12 человек монахов Глинской пустыни на новое место подвигов, а 15-го августа того же года совершено торжественное обновление и открытие монастыря, снова сделавшегося местом богомолья многих тысяч людей.

Первоначально братство кое как разместилось в тесных домиках прежних церковнослужителей, а затем началась работа по возведению монастырских зданий. Экономом в Святогорской обители был назначен Иоанникий, приобретший уже некоторую опытность в том послушании в Глинской пустыни, и пользовавшийся полным доверием настоятеля, отца Арсения. Ему, по свойству послушания его, пришлось более иных понести трудов и испытать скорбей при этих работах: кроме надзора за подрядчиками и нанятыми рабочими, за доброкачеством строительных материалов, на нём лежала нелёгкая обязанность согласования и с желанием настоятеля, и с желанием Потёмкиных, от которых и поступал строительный материал. Управитель Потёмкина нередко действовал при постройках совершенно произвольно, и причинял немало скорбей ревностному эконому, которому было вменено в обязанность во всём уступать и мало противоречить, меж тем, как за недостатки в постройках приходилось отвечать ему одному. Особенно много скорбей понёс эконом при постройке гостиницы монастырской: теснота места, окружённого с одной стороны горами, а с другой – берегом Донца, понудило отсечь несколько соседней горы, чтобы очистить нужную для построек площадь, на что эконом решился без разрешения и в отсутствии настоятеля. Это послужило поводом для гнева на него настоятеля, опасавшегося обвалов горы. Впрочем, вскоре отец Арсений убедился, что грунт крепок и обвалов не случилось, так что под остальные постройки он уже сам приказал расчищать и отсекал горы, так как площадка, уступлённая природою для иноческого жития была слишком тесна.

В должности эконома Иоанникий много потрудился и способствовал внешнему благоустройству монастыря. Усердие его было оценено настоятелем, который исходатайствовал ему рукоположение во иеродиакона, которое совершено просвященным Иннокентием 1849 года 15 августа.

Вскоре Иоанникий сделан был гостинником, оставаясь при этом и экономом. В это время Господь сподобил его посильно послужить к открытию и возобновлению сокрытаго в недрах земли святилища лет древних. В древнем Святогорском монастыре существовал некогда на восток от монастыря в полу-горе отдельный пещерный храм очень древнего происхождения, ибо уже в начале прошлого столетия (текст написан в XIX веке К.Д.) обветшал, засыпался землёй, которая поросла лесом, и совершенно скрылся от взоров людских. Запустение началось ещё во время существования древнего монастыря, упразднённого только к концу прошлого столетия, и неизвестны причины, почему монастырь допустил заустение святилища столь древнего. Под конец существования прежнего монастыря только смутное предание имелось в нём о существовании в этом месте пещерного храма во имя преподобных Антония и Феодосия.

Один из послушников монастыря по имени Михаил, пас стадо монастырского скота на месте пещерного храма, нечаянно открыл отверстие в земле, служившим входом туда, о чём сообщил монахам прежнего монастыря, но закрытие монастыря помешало открытию храма, а отверстие опять засыпалось и покрылось землёй. Промыслом Божиим, этот самый Михаил, уже столетний старец, по закрытии монастыря проживавший в вотчине Потёмкиных, дожил до возобновления монастыря в Святых Горах, поступил в число его братии и при пострижении наречён соответственным его возрасту библейским именем Мусафаила. Он поведал настоятелю и братии о существовании пещерного храма преподобных печерских, открытого им в молодости. И указал то самое место, на котором ранее того духовник иеромонах Феодосий видел по ночам свет, как бы выходящий из недр земли. Начались раскопки на месте храма сперва одним управляющим Потёмкиных, без участия монахов, но оказались безуспешными, ибо Богу угодно было, чтобы храм, изрытый руками иноческими, ими же был и открыт.

По благословию настоятеля, эконома Иоанникий, собрав к себе способную к труду братию, после усердной молитвы к Богу, начал раскапывать полу-гору в указанном месте. Велика была радость Святогорской братии, новооткрытый храм спешили отделать и вновь освятить, причём эконома упросил отца Арсения расширить его притворами направо и налево.

Для новооткрытого храма Иоанникий собственноручно вырубил из цельного дикого камня престол, в нём поставлен был железный благоукрашенный иконостас, оштукатурены и окрашены стены, и храм освящен во имя преподобных Антония и Феодосия Печерских имени которых, по преданию и прежде был посвящён.

Кроме этого храма под присмотром Иоанникия производилась внутренняя отделка корпусов, вновь выстроенных – гостиничного и двух братских. При должности, притом гостинника, от увеличившагося стечения народа и посетителей сделавшейся довольно многозаботливою, он имел много трудов и мало времени для покоя: нужно было всех удовлетворить пищею и по возможности успокоить, ибо с самого открытия монастыря и доселе считается в Святых Горах священной и непреложною обязанностью странноприимства христианского.

Не избежал ревностный инок и искушений врага спасения человеческого, покушавшегося уловить его в сети своим внезапным и непредвиденным нападением. Есть предание, что одна из посетительниц обители, по свойству демонскому, уязвилась нечистою страстью на простосердечного Иоанникия, и пользуясь его простотою, зазвала к себе в номер, заперла двери и начала привлекать ко греху, как некогда жена Пентефрия целомудренного Иосифа. Видя себя в подобном нечаянном искушении, любитель чистоты, чтобы избежать падения, ринулся в окно и выскочил из него не без опасности для своей жизни, ибо было довольно высоко от земли. С тех пор начал он просить настоятеля снять с него послушание гостинника, что и было исполнено.

Во внимание к его трудам на пользу обители настоятель ходатайствовал о посвящении его в сан иеромонаха, в который он был рукоположен в 1849 год 26 августа преосвященным Филаретом, епископом Харьковским. Наконец с него было снято и многотрудное

послушание экономское, он определён был духовником для приходящих богомольцев и заметно начал прилежать уединению келейному. Душа его уже созрела, требовала уединения и безмолвия, и всяка молва человеческая была ему тягостна. Святогорская меловая скала отвесным утёсом возвышающаяся из почвы Святых гор, вся изрыта пещерными ходами, идущими от её подошвы до вершины, где храм Святителя Николая, привлекала любителей безмолвия своим возвышенным, тихим уединением. «Если здесь не уметь, то где же молиться? Так здесь близко к небу, так далеко от земли!» – говорил о этой чудной скале преосвященный Филарет, каковое удобство её вполне постигал иеромонах Иоанникий.

В то время скала и её пещерные ходы были в запустении, пещерные коридоры во многих местах завалились, была лишь узкая стезя, весьма стеснявшая проникавший в неё народ. Это не укрылось от Иоанникия, он испросил благословение настоятеля отца Арсения их очистить, и где нужно расширить для большего удобства посетителей. Принявшись за работу с некоторыми из братии, не замедлил он привести пещеры эти в лучший порядок: в верхней части сохранилось несколько тесных, иссеченных в мелу келий, соединённых с общим пещерным ходом, наподобие затворов пещер киевских. В келии эти малые отверстия в скале пропускают свет дневной, а меловой грунт стен делает их опрятными и сухими. Работая в пещерах при их очищении, Иоанникий особенно полюбил одну из этих келий, где нередко отдыхал. В ней вспомнилась ему заветная мечта его детства, слова сверстника о его деде-затворнике, которому он так завидовал и подражать желал. И он невольно подумал, что ныне, под старость, хорошо и душеспасительно было бы эту мечту осуществить таким делом. Местность келии представляла ему все удобства к затвору в том месте, и радостно забилося его сердце при мысли, что ему, может быть, суждено будет в ней подвизаться. Он испросил позволения настоятеля сделать в этой келии деревянный простенок и двери, и обложить её стены досками, и затем начал проситься в затвор.

Отец Арсений, сам весьма опытный в духовной жизни и много видевший на своём веку великих подвижников благочестия в России и на Афоне, не удивился просьбе Иоанникия, но отнёсся к ней очень осторожно. Не отказывая ему в ней наотрез, он начал его испытывать, не от высокоумия ли у него проявилось желание затвора и не близок ли он к опасности попасть в духовную прелесть. Просторечие Иоанникия было ему известно, что не обладал он особою начитанностью книг свято-отеческих, могущих предостеречь его от падения в невидимой брани с помыслами и духами тьмы, почему желание его подвизаться в затворе, хотя и понравилось ему, но и внушило серьёзные опасения, чтобы не окончилось оно дурным исходом, как это бывало с иными затворниками лет древних.

Уважаемый старец обители, духовник иеромонах Феодосий недавно перед тем скончался, и настоятелю не с кем было посоветоваться в этом деле.

Старшая братия обители, которой он сообщил желание Иоанникия, отнеслись к этому с видимым предубеждением, прямо отрицая это желание и называя его неуместным и опасным, в виду крайней простоты Иоанникия. Но отец Арсений не желал отказать, не испытав прежде силы воли и способности к возвышенным подвигам просящегося в затвор.

Он начал испытание очень мудро: опасаясь высокоумия в Иоанникии, прежде начал испытывать его с этой стороны – приказал ему своими руками очистить нечистые места в монастыре, чтобы испытать, не таится ли в нём гордыня. Иеромонаху саном естественно было возгнущаться подобным послушанием, но Иоанникий беспрекословно исполнил повеление, нимало не погнушавшись нечистотами. Затем отец Арсений испытал его напрасными выговорами и взысканиями с него – ставил на поклоны пред всею братиею в трапезе, велел отобрать у него лучшую одежду и снабдить изношенную, в заплатках. То есть всячески старался вызвать в нём дух неудовольствия или ропота, но твёрд и непоколебим остался испытуемый, молча и со смирением выслушивал выговоры от настоятеля, с покорностью подчинялся взысканиям, с усердием творил поклоны, довольствовался изношенною одеждою, и только усердно молился Богу укрепить его в подвиге и сподобить подвизаться в затворе, чего более и более жаждала его душа.

Отец Арсений, видя его твёрдость душевную в испытаниях и неотступныя просьбы о затворе, приказал ему сперва затвориться в жилой келлии, затворить в ней ставнями окна и таким образом испытать себя, возможет ли он вынести затвор в меловой скале.

Труден показался Иоанникию затвор в жилой келии: по ночам чувствовал он необычный ужас, мешавший ему молиться, какая-то особая, непреодолимая сила влекла его в меловую скалу, куда стремился он всею душою, так что не утерпел – тайно от настоятеля оставил затвор свой в келии и перешёл в меловую келию в скале, где опять затворился для испытаний. Здесь, сверх чаяния, не чувствовал он никакого страха, ни уныния, напротив, ощущал необычайную радость, и таким образом четыре дня и ночи провёл он в затворе без всякого смущения.

Настоятель, однако, без позволения архиепископа всё не решался окончательно разрешить ему затвор, тем более, что братия была этим недовольна, и некоторые открыто роптали, что дозволяют Иоанникию такой необычный и трудный образ подвижничества. Поехав в Харьков, отец Арсений запер Иоанникия в его меловой келии и взял с собою от неё ключ. Это было своего рода испытанием для будущего затворника, оставшегося со скудным запасом хлеба и воды в полном заключении.

Преосвященный Филарет (сам любитель и ревнитель иночества) принял особое участие в Иоанникии, и советовал отцу Арсению не препятствовать ему в подвигах затвора, ради спасения души не взирать на ропот братии, недовольной необычным сим подвигом их собрата.

Возвратившись из Харькова, отец Арсений посетил заключенного в скале подвижника, нашёл его не ослабевшим духом. Он снова начал представлять ему всю тяжесть затвора в этом месте, сырость воздуха, не прекращающийся ни зимой ни летом холод меловой келии, грозил держать его в затворе на замке, не дозволил даже устроить печь в его келии, но на всё соглашался Иоанникий, лишь бы не разлучили его с местом подвигов, которое возлюбила его душа.

Отец Арсений, наконец, благословил подвижника Божия вступить окончательно в затвор в меловой келье, запер его на замок, и лишь малое оконце в двери служило ему для принятия пищи и питья, приносимых назначенным к нему в услужение братом.

Представьте себе, читатель, тесную и низкую келию, своды которой не выше человеческого роста, иссечённую в мелу, свет в которую проникает через узкую скважину, пробуравленную в наружу скалы на довольно большом расстоянии. Атмосфера келии, резко холодная и сырая напоминает собою ледник, она как бы колет вас и возбуждает в теле озноб лихорадочный. Всё убранство келии составлял деревянный открытый гроб с большим надмогильным деревянным крестом у изголовья, на котором написан распятый Господь, в гробу немного соломы и убогое возглавие, и в таком виде он служил ложем упокоения затворнику. Затем небольшой аналой возле икон, деревянный обрубок вместо стула, кувшин для воды, горнец для пищи, нагольный тулуп, ветхая мантия и неугасимая лампада удовлетворяли все жизненные потребности затворника, да ещё тяжёлые вериги и жёсткая власяница, которых носил он на своём теле, и которые сами составляли немалое испытание своею тяжестью и остротою.

Правило молитвенное, по заповеди отца Арсения совершал он следующее: в сутки полагал 700 поклонов земных, 100 поясных, произносил молитв Иисусовых 5000, Богородичных 1000, читал акафисты. Первый год, впрочем, почти безвыходно пребыл он в затворе, выходя в пещерную церковь только однажды в месяц для причащения святых тайн, которые принимал в алтаре, куда проходил особым ходом, не показываясь народу.

Особо трудно было поначалу: сырость келии и её постоянный холод, от которого мало защищал его тулуп. Ляжет для отдыха в свой гроб, укроется весь с головой тулупом, и то с трудом улежать сможет от всепроникающего до костей холода. Сырость была такая, что одежда долго не служила, видимо истлевала и распадалась. Мириады насекомых кишели в келии, в гробу и в одеждах подвижника, уязвляли его тело и нарушали его покой, если только можно назвать покоем такую обстановку. Многие из братии думали, что подвижник

не вынесет подвига своего в меловой келии, сам отец Арсений опасался, что с ним случится что-то недоброе и понудит оставить его затвор. Братия даже открыто глумилась над затворником, предсказывая ему, что добром не кончит он свою затею. Но время шло, ничего недоброго с затворником не случилось, напротив, заметно было видимое преуспеяние в нём духовное, и прежние насмешки над ним братии сменились невольным уважением к нему и удивлением к его подвигу, отец Арсений и некоторые из старшей братии избрали его своим духовником.

Прожив год и шесть месяцев в неисходном затворе, иеромонах Иоанникий пострижен был в 1852 году 29 августа, на праздник Усекновения Главы Предтечи в великий ангельский образ – схиму и наименован Иоанном. Постригал его сам Филарет в присутствии отца Арсения и боголюбивой Татьяны Борисовны Потёмкиной.

Татьяна Борисовна пред ним благоволела, заботилась о нём, оберегала своим влиянием от неудовольствия братии, нередко смущавшей даже отца Арсения, так что не будь Татьяны Борисовны, то может быть Арсений даже понудил бы затворника оставить затвор, чтобы успокоить братию. Нужно сказать, что братия была права в своих опасениях и неудовольствиях: иные видели в нём одно лишь праздное бездействие и уклонение от трудов послушаниям монастырским, которыми каждый из них был занят. Другие приписывали ему желание превзойти всех своим подвигом и тщеславное искание похвал человеческих, некоторые опасались, чтобы по простоте своей затворник не впал в прелесть, и не случилось с ним какого несчастья, могущего отразиться на недавно возникшей обители.

5 лет провёл затворник в холодной келии в неисходном затворе, но наконец не смог далее выдерживать её холодной атмосферы. У него от холода сырости начали делаться судороги в ногах, вследствие чего настоятель разрешил устроить у себя в келии печь, что он считал величайшим благодеянием со стороны настоятеля. Печь эта, несколько согревала меловую келию, делая пребывание в ней не столь трудным и разрушительным для его здоровья. Да и строгость затвора была несколько ослаблена, он еженедельно, по вторникам, начал выходить из келии своей в Предтеченскую церковь, выходил иногда на порог алтарных дверей, чтобы преподать благословение жаждущему видеть его народу.

Со времени поступления в затвор подвижник сам не литургисал, хотя и был облачён саном священства. Есть предание, что это ему запретил сам отец Арсений, которому не понравился невнятный голос и неразборчивое чтение его при священослужении.

Имел он также обычай ежегодно в среду Страстной седмицы, оставляя свою затворническую келию, сходить со скалы и до четверти пасхальной седмицы пребывать в келии своих келейников у подошвы скалы. Он всё это время присутствовал при службах в монастыре с прочиею братиею, бывал на трапезе и затем мирно возвращался в свою пещеру на целый год.

Иногда выходил он ночной порой на возвышенный горный балкон, образовавшийся в уступе Святогорской скалы, недалеко от его келии, чтобы освежиться дыханием чистого воздуха. Сюда иногда, когда в обители было малоллюдно, выходил он и днём, принимал некоторых из братии, приходивших к нему для беседы духовной.

Время своё затворник проводил в строгом исполнении своего правила молитвенного, полагал многочисленные поклоны, упражнялся в молитвах Иисусовых, прочитывал положенные акафисты, и всё это в сумраке пещерном, при тусклом свете свечи. Только однажды, по его собственным словам, когда после молитвы ночной лёг он отдохнуть в свой гроб, слышался ему шум в пещерном коридоре, сопредельном его келии, и вслед за тем два незнакомца необычайного роста взошли в его келию, и остановившись, с великою злобою смотрели на него и говорили друг другу: «Съедим этого старика, чтобы не молился он так постоянно». Затворник, ожидая себе смерти, смежил глаза и начал творить молитву Иисусову. Дикий хохот слышался в его келии, и привидения затем исчезли.

Сохраняемый милостью Божиею от нападений вражих, взамен терпел подвижник укоризну от людей – келейники причиняли ему много неприятностей, тяготились им, и

поносили его в глаза, они часто переменялись и не всегда были людьми благонравными, так что иные из них были затворнику тяжки. Нарекания от старшей братии, из коих иные глумились над его крайней простотою и необразованностью; другие, подметив в нём слабости невинные, перетолковывали их в дурную сторону и строго за них осуждали, например, за имение самовара и питье чая, которое затворник изредка себе позволял, всё это причиняло ему скорби.

Очень немногие иноки питали глубокое к нему уважение и любили его как отца, почитая в нём силу и крепость духа. Но и эти немногие, опасаясь насмешек от других, лишь тайно и очень нечасто посещали его келию, стараясь не обнаружить к нему своего уважения. Затворник, отличаясь крайней простотою и почти детским простосердечием, малоопытен был в книгах святоотеческих, не мог и не умел преподавать слово назидания языком книжным, за это его тоже осуждали старшие.

– «На что ты нам сдался, такой простец, и какая польза нам от такого затворника, как ты, который и на спасение никого наставить не сумеет?» – говорили ему не раз.

– «Простите меня, невежду безграмотного – говаривал обычно в ответ затворник на подобные речи – и помолитесь, чтобы мне хоть самому спастись».

Любил он выслушивать от своих собеседников изречения свято-отеческия, с благодарностью принимая дельные указания младших летами, но более его знакомых с творениями святых отцов. По рассказу одного из них, затворнику была прочитана только что изданная книжка Игнатия Брянчанинова «Плач инока», которая привела его в восхищение. Как тут всё верно сказано – говорил он со слезами – вот я не могу так выразить словами, а тут вот в сердце всё так чувствуется, как там написано.

В то время в Святогорской пустыни был в числе братии один послушник из мещан города Севска Орловской губернии Фёдор Шаронин, посвятивший себя нелёгкому подвигу юродства Христа ради, которое под покровом малоумия и при помощи трудов телесных и беспрекословного послушания своему старцу, привели его к преуспению духовному. В словах и действиях Феде, как звали послушника в обители, таилась глубокая духовная мудрость и прозорливость. Преосвященный Филарет, епископ Харьковский, любил выслушивать резкие речи юродивого Феде, который обходился с ним запросто, как с равным себе, и всегда умел сказать что-либо на пользу души владыки.

Федя состоял на послушании в монастырской кузнице, которою заведовал мантийный монах Дорофей, ныне игумен, проживающий на покое в монастырском хуторе. Федя обладал большой физической силой, работал при кузнечном цехе, работал неленостно и так покорился своему старцу Дорофею, что без его благословения решительно ничего не делал, даже пищи не принимал, с его же благословения решался на самые необычные поступки, брал, например, голыми руками раскалённое железо в кузнице, поднимал необычайные тяжести, мог по несколько дней проводить без всякой пищи. Однажды, во время приезда в обитель преосвященного Филарета, был он позван ко владыке, который в это время кушал чай, и посадив его подле себя, налил и подал ему чашку чая. «Не буду пить, не могу пить» – отвечал Федя. «Отчего не можешь? – спросил владыка – я тебя благословляю, кушай во славу Божию». «Ты-то благословляешь, а вот Дорофей не благословил» – отвечал Федя, и до тех пор не стал пить чай, пока не сходил за благословением к отцу Дорофею. Много дивился послушанию его преосвященный, часто потом говаривал, что нашёл в Святых горах нового Досифея, без благословения старца своего Дорофея ничего не делавшего. Федя был смирен и послушен, но очень не любил слов «Федя, ты умрёшь», которые всегда в нём вызывали юродственное буйствование, и отвечал на их слова в юродственном виде: «не умру, а жить буду».

Затворник, много раз слушавший о благодатном устройении юродивого Феде, однажды на страстной седмице, идя из церкви в келию своего келейника, где в это время пребывал, встретил Федю и задумал с ним пошутить, сказав нелюбимые им слова «Федя, ты умрёшь». Юродивый остановился, и вместо того, чтобы по обычаю своему буйствовать, серьёзно взглянул на затворника и сказал: «Отче, такой ли сегодня день, чтобы шутить тебе? Ты

иеросхимомонах и затворник, а того не помнишь, что Спаситель за нас грешных муки страшные терпел и на кресте умер». Разумная и обличительная речь юродивого так сильно подействовала на затворника, что он заплакал и упал в ноги юродивому, прося его простить неразумное слово. С тех пор затворник всегда говорил, что Федя выше его, и питал к нему глубокое уважение.

Юродивый Федя пережил его более чем на год. Перед смертью долго болел ногами, и около года пролежал в больнице монастырской, стал было поправляться и ходить. 1868 года 30 января был на правиле в больничной церкви, после которого необычайно раскланивался и прощался с братией, а потом скрылся из больницы. Впоследствии был найден в двух верстах в лесу под сосной благолепно лежащим мёртвым. Федя был тайно подстрижен в мантию под именем Феофила. Память его чтится братией Святогорской пустыни.

Известный в своё время подвижник Киево-Печерской лавры, иеросхимомонах Парфений передал затворнику по любви к нему братской слово совета и предостережения. Иоанн, с любовью и признательностью принявший предостережения и совет о Господе отца Парфения, возгорелся к нему особою любовью и пожелал лично его видеть и наставиться от него на путь непрелестного подвижничества. Он начал просить настоятеля позволить ему идти в Киев, чтобы поклониться тамошним святым и повидаться с отцом Парфением. Это было в начале 1855-го года, незадолго перед смертью отца Парфения. Отец Арсений очень возмутился и оскорбился просьбой затворника. Он находил невозможным после стольких лет затвора отпустить его в молву человеческую, и всячески уговаривал его не поддаваться этому помыслу и оставаться в затворе. «Ты посрамишь себя и обитель нашу – с горечью говорил затворнику настоятель. – Ну, подумай сам, что скажут о тебе люди, когда увидят тебя, многолетнего затворника, вращающегося в многолюдной киевской толпе, что скажет братия, и без того на тебя ропщущая?». Затворник всё продолжал проситься в Киев, и это послужило к охлаждению к нему отца Арсения, который избрал себе другого духовника и сделался не столь благорасположен к затворнику, как прежде. Но 25 марта 1885 года Парфений скончался, и с этим не стало причины и надобности ему туда путешествовать. По смирению своему, сознавая свою крайнюю простоту и малоопытность в учении, затворник, может быть, слишком увлёкся желанием видеть и наставиться от старца Парфения, но этим доказал, что смирение его было нелицемерное, и чужд он был всякого сомнительного помысла.

Пока служило затворнику зрение, прочитывал он неименное своё правило, но от постоянного полумрака и свечного освещения зрение его испортилось, он не мог читать, с трудом различал приходивших к нему, на дневном же свете ничего не видел. К нему был назначен для чтения один из иноков, сам же затворник упражнялся только в молитве Иисусовой и полагал до 1000 земных поклонов в сутки. Он очень любил молиться с поклонами, говоря, что в переутруждённом теле ощущается дух умиления и теплота сердечная. «Читать я не вижу, то что же мне делать, если не чётки тянуть и поклоны творить!» – говорил подвижник иноку, заметившему, что у него на челе и руках большие мозоли от поклонов. Послушание чтеца у затворника долгое время проходил благочестивый инок, отец Мартирий. Родом он из крестьян Екатеринославской губернии, в мире Матфей, бывши женатым почувствовал особое влечение к иноческой жизни: пошёл в Киев помолиться. Молился пред иконою Богоматери, что если угодно ей, чтобы подвизаться ему в монашестве, то чтобы освободила его от уз супружеских. Вернувшись домой, узнал он, что супруга его скончалась, и не медля ушёл в Святогорскую пустынь, где и поступил в число братии.

Однажды, ночью порою, читая в келии затворника, Мартирий получил от него замечание, что невнятно прочитал шестипсаломие. Оскорбившись, Мартирий упрекнул старца, что ради него лишается он возможности с прочией братией бывать в храме при службах церковных и портит себе зрение чтением у него в полумраке. «Вот ослепну я, как ты, отче, – говорил он с огорчением, – тогда я посмотрю, кто из братии согласится ходить к тебе сюда читать».

Окончив чтение утрени, часа в три ночи, в немирном духе начал Мартирий сходить по лестнице скалы от затворника, решившись более не ходить к нему читать. Лестница идёт по густой чаще, из нея пред ним стали появляться огненные чудовища, щёлкавшие зубами и готовые его пожрать. В ужасе бросился Мартирий вниз, а чудовища ему кричали «Ты наш, потому что огорчил затворника!» Вне себя прибежал он в свою келию, и видя, что чудовища устремляются в окно, задёрнул его занавеской и начал усердно молиться, раскаиваясь в своём малодушном огорчении затворника. На утро поспешил он испросить прощения старца и с тех пор терпеливо сносил его желания.

Кончина настоятеля, отца архимандрита Арсения 12 октября 1859 года, была весьма чувствительна для затворника. Хотя отец Арсений охладил к нему после просьбы отпустить его в Киев, но всё таки питал к нему уважение, защищал от нареканий братии, и приютил в гостинице монастырской его престарелую слепую старуху-сестру Евдокию Крюкову, оставшуюся без средств к существованию и без приюта. И хотя братия роптала на него за это, но он не взирая на ропот их успокоил её при обители и вообще затворник имел много поводов оплакивать его кончину. С этого момента затворник и сам стал готовиться к смерти. Впрочем, жизнь его и так была ежедневным напоминанием смерти. Заживо погребённый в недрах земли, как бы в склепе, с неразлучным товарищем-гробом, догорал он как свеча возжённая в молитве.

Ничто из житейского не привлекало старца, иногда добивалась с ним свидания его слепая старуха – сестра, но в тягость были ему эти свидания, тем более, что возбуждали они неудовольствия настоятеля и братии, так как по строгому уставу святогорскому свидания иноков с женщинами, даже родственниками, в стенах обители были запрещены. Когда в 1863 году сестра его скончалась, то он с облегчением сказал, что избавился от многого искушения.

В келии своей он был неприхотлив, не терпел ненужных вещей. Нередко приходившие к нему иноки переменили полусгнившую солому в его гробу, очищали в нём плесень, устраивали новое изголовье. Старец мало на это обращал внимания и по-детски позволял им распорядиться в келии, точно она ему не принадлежала. Однажды в его келии был замечен тяжёлый запах. Они решились спросить о нём старца, он признался, что вериги его поломались и натёрли ему спину за плечами. При осмотре оказалось, что образовалась глубокая язва, в которой роились черви. По настоянию иноков вериги были сняты и снесены в кузницу для починки, язву омыли и приложили к ней целительный пластырь. Впрочем, и после этого старец не перестал носить свои вериги, которые после починки были обшиты кожей, чтобы не врезались в его измождённое тело.

Весьма тяготило и усердие к нему народное, всякий вторник на ранней литургии в Предтеченской церкви собиралась толпа народа, жаждавшая его видеть и получить от него благословение, ради чего вынужден был он показываться на алтарных дверях и благословлять усердствующих. Некоторые утруждали его вопросами, просьбами в наставлении, просили у него советов в делах житейских, поверяли ему свои скорби. Как мирный ангел в одежде схимника появлялся старец Божий пред взорами посетителей обители, кротким обликом заживо иссохшего лица и потускневшими очами, напоминая времена давно минувших лет, век подвижников Киево-Печерских, в глубине пещерной спасавшихся и светившихся миру святостью своею. Под конец жизни всё более тяготился старец этими выходами и беседами с людьми мирскими, и начал редко появляться у ворот алтарных, где тщетно ждала его толпа.

Один случай особенно сильно на него повлиял: когда вышел он благословить народ, один прилично одетый господин, став в стороне, внимательно наблюдал за ним и усердствовавшим к нему народом, дававшим деньги, которые затворник опускал на поставленное тут же блюдо и которые шли в пользу обители. Когда все уже подошли под благословение старца, подошёл к нему и наблюдавший господин и грубо сказал: «Ты цыган, а не затворник!» и начал поносить его за то, что берёт с народа деньги и обманывает его мнимой святостью.

«Я не святой, а грешник, и первый из грешников – смиренно отвечал старец на эти поношения – я сам не благоволю тому, что народ ко мне усердствует и даёт мне подаяние на пользу обители, но ради послушания я должен благословлять посетителей и принимать их подношения, которые мне не нужны, но нужны обители на прокормление братии, в том числе и меня, непотребного».

Но господин не унимался смиренною отповедью затворника и в очень немирном духе продолжал его поносить, так что его попросили удалиться из храма, затворник же в большом смущении вернулся к себе в келию и сейчас же потребовал к себе духовника своего, иеромонаха Авраамия, впоследствии иеросхимонаха Аникиту, которому исповедовал постигшее его смущение и просил совета, как ему быть, выходить ли к посетителям, или вовсе прекратить к ним свои выходы? «Может это мне от Бога послан обличитель для моего вразумения?» – говорил старец своему духовнику.

Тот как смог, успокоил затворника, говоря, что так как он делал выходы к посетителям и принимал их приношения по послушанию, то нечего ему смущаться неразумными нареканиями мирского человека, не знающего их монастырского чиноположения и обстановки, но не советовал ему вовсе прекращать свои выходы к посетителям. Но всё-таки затворник гораздо реже после этого случая и с видимой неохотой выходил к посетителям и как бы боялся прикасаться руками своими к их подношениям, указывая самим класть их на блюдо. Были случаи, когда иные усиленными просьбами испрашивали себе свидание с ним. Один из поклонников, одержимый недугом душевным, грозил лишить себя жизни у подошвы скалы, если его не допустить видеться и беседовать с затворником. Он был допущен к нему, и долго длилась их беседа, по её окончанию поклонник в мирном, радостном расположении духа вышел от затворника, говоря, что тот снял с него тяжёлую многолетнюю ношу, угнетавшую всё его существо.

Старец Божий под конец своей жизни проявлял как бы направление юродственное. Так однажды Татьяна Борисовна Потёмкина, пожелала показать его своему брату – князю Николаю Борисовичу Голицыну, убеждения которого были не в пользу монашества. Он сомневался в истине рассказов сестры о строгом затворе Иоанна. Татьяна Борисовна убедила брата лично посмотреть на Иоанна и на затвор, и сама вызвалась проводить брата туда. Пришед в меловую келию старца, Татьяна Борисовна просила преподать им благословение и назидание духовное. Старец благословил пришедших, но вместо назидания, начал усиленно просить Татьяну Борисовну, чтобы она позаботилась снять с него портрет, говоря, что он очень нужен. Разумеется, пришедшие заподозрили в нём тщеславное побуждение и с полным разочарованием в его святости оставили его келию. Просьба о снятии портрета с него неоднократно повторял затворник, так что, наконец, был снят с него портрет масляными красками одним из святогорских иноков, искусным в живописи. Портрет изображает затворника в полный рост, в мантии и схиме, с раскрытой книгой в руках в которой начертано его наставление о молитве Иисусовой. К сожалению, он вышел неудачно и мало схож, чему причиною был отчасти сам затворник, указаниями своими мешавший живописцу уловить сходство, что и без того, в полумраке келии было довольно трудно.

Подобно тому, как повлиял затворник на Татьяну Борисовну и ее брата, повлиял и на другого посетителя обители и ее благодетеля – луганского купца Савелия Михайловича Хрипка. Пожелав посетить келию затворника, Савелий Михайлович, человек редкого христианского благочестия, великий ревнитель иночества, который расточал обильные подаяния, думал встретить в святогорском подвижнике великого святого, и шёл к нему с благоволением, как к святому. Затворник по благословию настоятеля принял его в своей келии, благословил, и начал просить о вспомоществовании своим неимущим родственникам по плоти. «Ты умер в миру, отче, ты мертвец в мире, какие у тебя родные!» – обличительно ответил на эту просьбу Савелий Михайлович, и не без огорчения оставил его келию, выражая своё разочарование, что думал встретить святого, а встретил в нём обыкновенного человека, с немощами и слабостями, свойственным всем людям. Почти

всегда поступал затворник с людьми, думавшими видеть в нём человека святого, чего он видимо пугался, предпочитая лучше слыть немощным грешником.

Но вот приблизилось время скончания для доблестного подвижника; он ещё задолго до кончины делал распоряжения относительно своего погребения. Сперва он выражал желание быть погребённым в той же келии, в которой он подвизался, или в соседней с нею, но потом раздумал, стал говорить, что «неудобно будет», что «людям тесно будет, а служащим затруднительно ходить в пещеры, служить панихиды на гробе». При этом он заповедал, чтобы на гробе хранились его вериги, об участии которых он очень заботился, чтобы они после него не затерялись. И действительно, после его смерти недюжие стали получать исцеления от его вериг.

Когда в 1864 году была окончена постройка каменной Преображенской церкви на горе Фавор, затворник пожелал её посетить. Он обошёл её кругом, потом взошёл в нижнюю церковь этого двухэтажного храма, посвященную иконе Казанской Богоматери. Помолвившись, затворник с правой стороны паперти этой церкви посохом начертал место могилы и изъявил желание быть здесь погребённым, но Господом было указано другое место его посмертного покоя при Богородичном храме, тогда сооружённом при больничном корпусе на хуторе обители, в честь иконы Богоматери Ахтырской.

С начала 1867 года затворник начал весьма оскудевать силами телесными, сильно кашлял, с трудом ходил, так как его ноги от постоянного стояния и сырости отекали, опухли и покрылись язвами. Редко показывался он посетителям, не мог выстаивать литургию и сидя её слушал, в келии всё больше лежал в своём гробу, но и лёжа непрестанно молился. Совершать прежнее количество поклонов он уже не мог, почти отказался от пищи, вкушая её лишь понемногу, как ребёнок.

Усиленное затвердение желудка не раз грозило опасностью его жизни, иноки с трудом убедили его употребить средства к облегчению этого недуга, но они мало принесли пользы. Желудок его, видимо, утерял способность принимать и переваривать пищу, с чем не стало у него и аппетита.

В марте 1867 года печь в пещерной келии испортилась, стала дымить. Затворник некоторое время мирился с этим неудобством, выходя из келии, пока не рассеется дым, но потом стал просить об исправлении печи, которую топил и летом. Для починки печи пришёл к нему опытный в печном мастерстве послушник Михаил Ситенко.

Встретив его в сенцах, затворник спросил его: «Ты брат?» – то есть из числа братии, и получив утвердительный ответ, ввёл его в свою тускло освещённую лампадой келию. Вспомнив, что он и сам был печником, старец хорошо обошёлся с Михаилом, и указав на свой гроб, сказал: «Вот в нём я отдыхаю». Потом, помолчав немного и окинув глазами келию, он выразительно присовокупил: «Только в нынешнее лето мне надо будет выйти отсюда».

– «Куда же, батюшка?» – спросил Михаил. Затворник промолчал и задумчиво посмотрел на свой гроб.

Несмотря на слабость свою в страстную и пасхальную седмицу, в 1867 году, он по обычаю своему сходил вниз скалы в келию своих келейников, присутствовал при богослужениях церковных в обители, бывал на трапезе, осматривал здание строившегося тогда собора, даже ходил по монастырю, как бы прощаясь с ним. В это время он откровенно намекал некоторым из старшей братии, что скоро их оставит.

Возвратившись в свою пещерную келию, старец то ослабевал, то возмогал, и так длилось до августа 1867 года.

С начала августа затворник окончательно ослаб, слёг в свой гроб и с трудом мог с него подниматься. В удалённой от жилья других иноков келье за ним было очень неудобно присматривать, да и сырой воздух был вреден теперь, и братия стала бояться, дабы не умер он внезапно без христианского напутствия. Его посетила Татьяна Борисовна Потёмкина и стала предлагать переселиться ему в монастырскую больницу, где здоровый воздух, тщательный уход и близость церкви соответствовали потребностям его здоровья, но старец

отказался выразив желание закончить жизнь свою в пещерной келии. Настоятель, отец архимандрит Герман, видя крайнюю его слабость, тоже стал предлагать ему переместиться хоть на время в больницу, которая стояла на открытом здоровом месте. В больничном корпусе для него была приготовлена уединённая келия, приспособленная к тому, чтобы переселение из пещеры было не очень заметно, для чего окна были прикрыты, и в ней был полумрак.

Долго не соглашался подвижник и на увещания настоятеля переселиться на больницу и вынудил настоятеля напомнить ему обет, данный им предшественнику его Арсению: «При первом требовании настоятеля оказать вам это послушание» – сказал настоятель, и старец более не прекословил, мирно переселился на больницу, в приготовленную для него келию, где начальник больницы иеромонах Паисий окружил его тщательным присмотром и сыновьей любовью.

Недолго было суждено затворнику прожить в больнице, всего 8 дней прожил он там в крайнем ослаблении, по большей части лёжа на одре, то с открытыми, то с закрытыми глазами. Впрочем, и открытыми глазами он почти ничего не видел, но и лёжа не оставлял молитвенного подвига.

В это время не без труда были сняты с него тяжкие вериги и поставлены тут же при нём, ибо не хотел он с ними разлучаться. Снят с него был и медный крест – благословение его матери, который на тяжёлой железной цепи носил при себе постоянно, теперь же тяжесть сия не под силу была его измождённому телу. С приходившими братьями он прощался, некоторых благословлял иконами и книгами, таким образом он раздал братии своё имущество.

Наконец наступил и давно ожидаемый и вожделенный для него день – 11 августа 1867 года. Когда пришёл к нему иеромонах Паисий утром, чтобы приготовить его к причащению, затворник весело сказал ему, что видел хороший сон: видел во сне старца Филарета Глинского, отца Арсения, и духовника Феодосия – всех трёх уже покойных, соборно совершавших молебное пение святителю Николаю, и звавших его с собой. Иеромонах Софроний зашёл в келию затворника и между прочим спросил: «Не было ли вам, отец Иоанн, какого извещения, когда вы скончаетесь?»

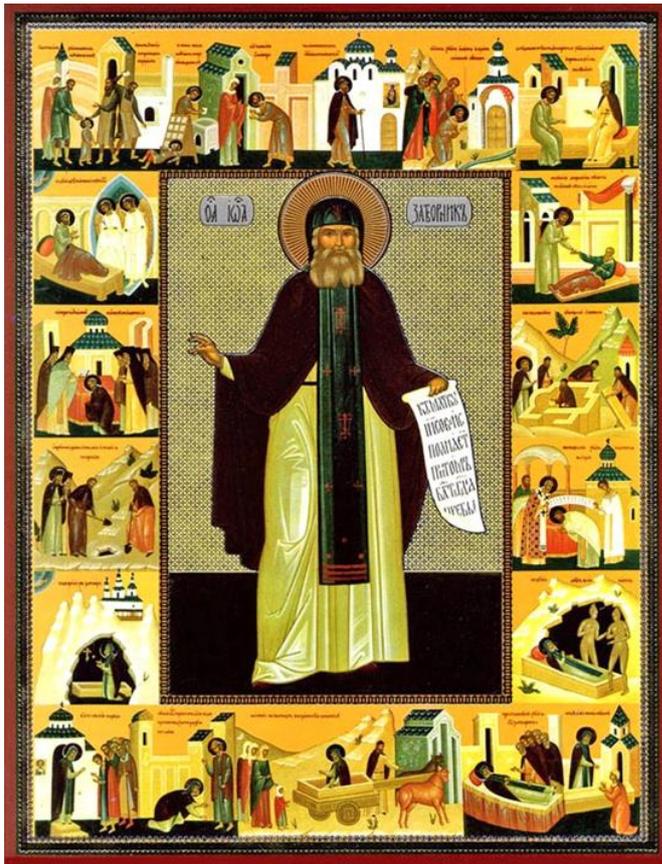
– Сегодня – утвердительно отвечал затворник.

Вскоре посетил его настоятель, в присутствии которого выпил он немного чаю, и когда был вопрошён о месте погребения, Иоанн предоставил это воле настоятеля. Он просил, чтобы его вериги были сохраняемы, и когда настоятель предложил ему быть погребённым у алтаря больничной церкви, то не противоречил и согласился.

По выходе настоятеля послушник Григорий, наблюдавший за затворником, заметил, что лицо его, мертвенно бледное, начало изменяться, просвещаться, оживилось румянцем. Он перекрестился и улыбнулся, как бы созерцая что-то приятное. Потом румянец прошёл, лицо приняло свой прежний вид, наконец, день стал клониться к вечеру, а затворник ещё жил.

Отец Софроний, оставшийся в больнице, начал уже сомневаться в истинности его слов, что сегодня скончается он.

К вечеру 11 августа наступила тёмная грозовая туча с сильной бурей, молнией и громом. Стихии природы как бы заспорили меж собой, ветер выл, гнул деревья, далеко нёс столбами пыль, молния сверкала на небосклоне поминутно и раздражалась сильными раскатами грома, дождь начал ливнем лить, шумом сменяя порывы бури.

В 5 часов 30 минут пополудни затворник начал тяжело дышать. Келейник его поспешил окликнуть Паисия, в присутствии их двоих затворник дышал всё тише, устремив потухающий взор на икону Спасителя, и с молитвою на устах испустил последний вздох, предав в руке его свою святую душу. Мирно и безмятежно отделилась его душа от тела, чтобы воспарить в мир бессмертных духов. Лик почившего светился оттенком радости и покоя неземным, молитвенно прикрыл иеромонах Паисий потухшие глаза, уста благолепно были сжаты, и вид лица был весьма привлекателен.

Шумевшая буря и гроза, вслед за кончиною затворника сменились тишиною и благорастворённостью освежённого дождём воздуха. Невольно бросились в глаза эта буря и эта гроза в час кончины подвижника Божия и тишина после его кончины, и невольно подумалось, что тёмные духи тьмы, бессильные в своей злобе причинить вред

святой, отходившей от мира душе, злобу свою выразили возмущением бурей и грозой воздушной атмосферы. Но здесь недолго господствовали они, ибо как только святая, отошедшая от тела, душа подвижника воспарила горе, так и водворилась тишина в воздухе, точно победила она прилоги духов тьмы и обессилила все их усилия.

Андрей Ковалевский. 1880 год. 22 сентября

По материалам сайта: <https://azbyka.ru/days/sv-ioann-svjatogorskij-doneckij-zatvornik>